

Дмитрий ЦВИБЕЛЬ

Несерьезные
рассказы

Петрозаводск, 2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6-44

Автор выражает глубокую благодарность
НАТАЛИИ ЦВИБЕЛЬ
за ценные замечания при подготовке
книги к печати

Очень часто встает вопрос: «Что подарить друзьям или добрым знакомым?» Подарите эту книжку – и тогда, может быть, они пару раз улыбнуться. А когда человек улыбается, мир становится немного чище. Значит, как сказал современный российский классик: «Улыбайтесь, господа, улыбайтесь!»

На обложке коллаж Наталии Цвибель «Папа»

Ц 28 Цвибель, Дмитрий Григорьевич.
Несерьезные рассказы / Дмитрий
Цвибель. - Петрозаводск : ПИН : Марков Н. А.,
2026. - 165, [1] с. : фот. – 978-5-6054435-5-1

©Дмитрий Цвибель

ISBN 978-5-6054435-5-1

Про шайку и дядю на танке

*Софье Михайловне Лойтер
с любовью и восхищением*

Всё чаще и чаще приходит на память время детства. Детство, наверное, всегда вспоминается счастливым, особенно, когда остается не так, уж, много времени для воспоминаний.

Мы жили в небольшом деревянном восьмиквартирном доме, построенном для работников культуры после войны на улице Луначарского, дом 10 – два таких дома стоят там до сих пор. Дом с печным отоплением, без воды (позже провели воду, газ и паровое отопление). Квартира сдвоенная: небольшой коридорчик и из него вход в две однокомнатные квартиры, в которых были кухня с плитой и комнатка с круглой печкой. Туалет общий, с выгребной ямой. За водой ходили через три дома, там же был и продовольственный магазин.

Во дворе этого магазина перед советскими праздниками стояли в очередях за продуктами, когда «давали» масло, маргарин, сахар или еще что-нибудь «счастливым строителям коммунизма». Поскольку давали из расчета какого-то количества «в одни руки», маль-

чишки подрабатывали на мороженное, проходя очередь по несколько раз с какой-нибудь «мамой» – показывали свою мордочку в окошко, откуда все это и продавалось, чтобы «мама» могла купить себе лишнюю «пайку», и становились к следующей «маме». Все, конечно, знали про это, и продавцы тоже, но делали вид, что все нормально.

Готовили дома на керосинке или керогазе. Мне очень нравился запах керосина, и я всегда с удовольствием ходил за ним в керосиновые лавки, которые были в конце улицы Коммунистов и в низине на берегу реки Лососинки, где много позже был построен большой стадион. У всех, конечно, были электрические плитки и утюги. Но электричества не хватало, и чтобы не пользоваться электроприборами, розетки время от времени опечатывали круглой бумажкой с печатью. Многие, как только инспектор уходил, пока бумажка крепко не приклеилась, снимали её и держали рядом с клеем поблизости, чтобы можно было быстро вернуть её на место, перед очередным появлением инспектора. Еще были, нелегально сделанные умельцами патроны, которые ввинчивались вместо лампочек, и через них уже можно было подключаться вместо розеток. Как позже меня учили

в школе: «На каждое действие есть равное ему, но противоположно направленное противодействие».

Когда в нашем дворе копали для проведения водопровода в строящийся рядом пленными немцами каменный дом, выкапывали разные железяки и ядра, производимые когда-то на Александровском заводе. Я сдавал их в Краеведческий музей, и получил за это Благодарность, в которой написано:

В знак глубокой признательности музей предоставляет Вам преимущественное право пользоваться библиотекой и право бесплатного входа в музей.

4 ноября 1954 г.

Через почти семьдесят лет я показал эту бумагу директору музея Михаилу Гольденбергу. Он удивился, сказал, что не знал о таковой, с удовольствием принял ее на хранение, но попросил, на всякий случай, купить входной билет.

Напротив нашего дома, через дорогу, жила девочка Лена, которую я любил. Мы гуляли, я водил ее за сараи – нам было уже по пять лет. Ленина мама обеспокоилась этим, поговорила с моими родителями, и нас разлучи-

ли. Я тяжело переживал случившееся, даже заболел. Помню, как папа сидел на моей кровати и молча гладил меня по горячей голове.

Я любил играть в войну. Во дворе с мальчишками, большинство из которых старше меня, мы играли в «Чапаева», в «Войну», в «Партизаны». Всегда, конечно, побеждали «русские», и никто не хотел быть «немцами», поэтому «немцев» обычно «на поле боя» не было – они находились «за кулисами». Туда мы стреляли, бросали гранаты, скакали на конях (палочках), ходили в атаку. За сараями у нас был сделан танк – два ящика, поставленные один на другой. Нижний был длинный, верхний квадратный, и из него торчал ствол пушки – чья-то мама принесла с трикотажной фабрики трубу от какой-то ткацкой машины. С передвижением танка были проблемы, и он, по большей части, поддерживал атаки пехоты издалека. А «партизаны» ползли между рядами картошки, прикрываясь ботвой, причем, при любой погоде, и мама, когда «я возвращался из боя», просила меня принести лишнее ведро воды с колонки, которая находилась от нас через три дома. И вот на этом фоне папа вдруг сказал, что завтра в Петрозаводск приезжает дядя на танке, и мы пойдем на встречу с ним! Я принес

лишних три ведра воды, мама привела меня в порядок, надела на меня все не новое, но чистенькое, причесала, и мы с папой пошли.

По дороге я думал, как этот дядя поедет на танке? Как ездит Ленин я знал: он так стоит на броневике и рукой показывает куда ехать. Но это на броневике (это слово у меня не очень получалось из-за одной буковки), а как на танке? Да еще из Ленинграда! Пока я думал, мы подошли к гостинице «Северная». Она была такая красивая! А внутри оказалось еще красивее! По широкой белоснежной лестнице мы поднялись на второй этаж, прошли по коридору, устеленному мягкой дорожкой, и папа постучался в темную дверь с номером. Открыл нам дядя, такой же, как папа лохматый и улыбающийся. Они обнялись, прошли в комнату и стали разговаривать, как будто меня здесь и не было. Я сел в кресло, а оно такое оказалось таким теплым, уютным, что я даже немного задремал. Слышу только, как дядя спросил папу, помнит ли он, как они убежали с занятий и вместе с шайкой пошли в парк за мороженым? Они рассмеялись и продолжали громко что-то говорить друг другу, притом, одновременно, и не было этому конца. А я думал: зачем идти за мороженым с шайкой? Что, они

хотели купить так много мороженого? Шайки ведь в бане. Это такие тазики, их выдает дежурный, когда уже разденешься, закроешь шкафчик с одеждой на ключ, отдашь ключ дежурному, он выдаст номерок, на котором написан номер шкафчика и по которому потом тебе дадут твой ключ, и идешь мыться. Когда мы с папой ходили в баню, папа привязывал этот номерок к ручке шайки, чтобы не потерять. После помывки шайку сдавали, по номерку получали ключ и т.д. Однажды мы с папой оставили шайку на скамье, где мылись и пошли под душ, а когда вернулись, шайки не оказалось на месте. Папа пошел искать ее, даже выходил в раздевалку, а потом она нашлась в парилке – кто-то взял нашу шайку, чтобы плеснуть из нее на горячие камни, и не вернул на место. А после бани во двор приезжала полупорт – грузовая машина, на которой привозили бочку с пивом. У кузова опускали задний борт, ставили две толстые доски, и бочка по этим доскам скатывалась во двор. Все разбегались, чтобы не попасть под неё. Потом бочку катили на место, где будут разливать пиво, устанавливали, выбивали пробку, вставляли в бочку такой блестящий кран и разливали пиво по кружкам. Оно так пенилось, пену сдували, пиво доливали,

все выстраивались в длинную очередь, потому что кружек на всех не хватало ...

– Димочка, подойди сюда, – это папа, наконец, позвал меня, – покажи дяде руки.

Я показал. Дядя потрогал пальцы, и папе:

– Да, руки пианиста. Ты будешь его учить?

– Попробую.

– Только не испорти. Потом, как-нибудь, покажи. А вообще, уже время. Я хочу немного посмотреть город, а ты отведи ребенка и приходи. Ты мне поможешь, и, если останется время, еще поговорим.

– Ты будешь играть? – спросил папа.

– Немного, я уже наигрался, лучше слушаю учеников.

– А где танк? – не выдержал я.

– Какой танк? – дядя посмотрел на папу.

– Папа сказал, что вы приедете на танке.

– ???

Первым пришел в себя папа:

– А-а-а, – он засмеялся, но, увидев, что я готов заплакать, – Димочка, ты не так услышал: Натан – это так зовут дядю, он работает в консерватории, в Ленинграде. А приехал дядя Натан на поезде в Музыкальное училище, чтобы послушать, как играют студенты. И ты скоро пойдешь в школу, и тоже будешь играть на рояле! А потом поедешь в Ленин-

град учиться в консерватории. И, может быть, твоим учителем будет дядя Натан!

Тут и дядя Натан понял в чем дело:

– Димочка, ты молодец – у тебя хорошее чувство юмора, оно тебе ой как пригодится в жизни! – и погладил меня по голове. – Ты, как твой папа. Мы с ним вместе начинали учиться в Киеве, он уже тогда выделялся среди нас свои юмором.

Я был разочарован – ведь я уже сказал ребятам, что прокачусь на танке! По дороге домой придумал: скажу ребятам, что танк не завелся, и дядя приехал на поезде.

Я действительно пошел в Музыкальную школу и стал играть на рояле; потом в Музыкальное училище, где тоже играл на рояле; в консерваторию меня не приняли, так как не был комсомольцем, но приняли в театр, где я продолжал играть на рояле сорок лет.

Теперь вот пишу, как пошел в Музыкальную школу и стал играть на рояле; потом...

В 1965 году у папы, который работал в Музыкальном училище, Министерство культуры запросило, чтобы он представил какое-нибудь свидетельство о музыкальном образовании, так как документов у него не

было – потерялись во время войны, а преподавать без этого было нельзя. Он написал своим друзьям по Киеву И. Шерману и Н. Перельману с просьбой о подтверждении его учебы. Ответы пришли моментально. Один он зачитал при мне:

«Я, Исай Эзрович Шерман, засл. арт. РСФСР, нар. арт. КАССР, профессор учился в Киевской консерватории в период с 1921 по 1926 гг. Был знаком с Григорием Ильичом Цвибелем, который в эти годы учился в Музыкальном училище, руководимом засл. деятелем искусств М. Шейниным, и окончил это училище /Киев, Красноармейская улица, б. Большая Васильковская/ в 1926-м году по фортепианному отделению».

Папа, задумался, потом вернулся в начало письма, и шепотом:

– Я, Исай Эзрович Шерман... Исай Эзрович... Шая... Шайка...

У меня в голове промелькнуло: что-то знакомое... Но что?.. И вдруг озарило: так вот с каким Шайкой, а не с какой шайкой тогда папа с Натаном убежали с занятий и пошли в парк за мороженым! А я-то: баня, пиво...

Вот как-то так.

Р.С. Из Википедии:

Исай Эзрович Шерман (29 мая [11 июня] 1908, Киев – 13 июня 1972, Ленинград) – советский дирижёр, концертмейстер, музыкант, педагог, заслуженный артист РСФСР (1940). Народный артист Карельской АССР (1959). В 1931 г. окончил Ленинградскую консерваторию (педагоги Н. А. Малько, С. А. Самосуд и А. В. Гаук) <...> В 1939 г. – дирижёр в театре оперы и балета имени Кирова. Осуществил постановку балетов «Лауренсия» А. Крейна (1939) и «Ромео и Джульетта» С. Прокофьева (1940) <...> С апреля 1959 г. – главный дирижёр музыкально-драматического театра в Петрозаводске. Дирижировал постановками балета «Сампо» Г. Синисало (1959) и оперы «Кумоха» Р. Пергамента (1959). С 1938 по 1972 гг. преподавал в Ленинградской, Казанской и Горьковской консерваториях, профессор...

Натан Ефимович Перельман (19 июля [1 августа] 1906, Житомир, Волынская губерния, Российская империя – 18 февраля 2002, Санкт-Петербург, Россия) – советский, российский пианист и педагог еврейского происхождения. Учился в Киеве у Ф. М. Блу-

менфельда (1921-22), Г. Г. Нейгауза (1921-24) и в Петрограде – Ленинграде у Л. В. Николаева (1925-30). Вел концертную деятельность в течение почти 70-ти лет с 1927 по 1996, один из первых советских музыкантов, гастролировавших за рубежом. Более 60-ти лет, с 1937 по 2002 г. преподавал в Ленинградской – Санкт-Петербургской консерватории, профессор (с 1957). <...> Автор знаменитой книжки афоризмов «В классе рояля»...

ДК ОТЗ

Мой папа, пианист-концертмейстер, долгое время в Петрозаводске параллельно работал на шести работах: в Музыкальном училище, Музыкальном театре, кинотеатре «Сампо» (там перед вечерними сеансами играл небольшой оркестр), Доме культуры Онежского тракторного завода (ДК ОТЗ) и двух детских садиках. Я, еще учась в Музыкальном училище, иногда подменял его, занимаясь в качестве концертмейстера со студентами-инструменталистами, так как концертмейстеров тогда постоянно не хватало, а для меня это было хорошей практикой. Когда мне исполнилось 16 лет, папа решил передать мне свою работу в ДК ОТЗ, где был концертмейстером в вокальном кружке, руководимом Ольгой Павловной Калининой, в прошлом прекрасной примадонной оперетты, с которой он работал еще во время Войны в прифронтовом Музыкальном театре. Она меня хорошо знала, я ее тоже, мы легко нашли общий язык, и я начал работать с вокалистами-любителями. Поскольку ее педагогическая школа строилась на основе классических арий и романсов, у меня появилась возможность для себя пополнить репертуар,

а слушая ее замечания, понять технику вокала и прочие профессиональные навыки. Кроме того, обладая огромным сценическим опытом, Ольга Павловна всегда учила, что, выходя на сцену, ты – артист и нечего «дуть звуки», даже если они и красивые. А уж если не очень красивые, то «хоть обыграй – ты же артист».

Как-то выяснилось, что нужен пианист в эстрадный оркестр Дома культуры. Это было время, когда я увлекался джазом – слушал по ночам передачи иностранных радиостанций, пытался что-то изображать на рояле, знал много имен джазовых исполнителей и пр. Дизи Гиллесли, Элла Фицджеральд, Луи Армстронг, Оскар Питерсон, Джерри Маллиган, Бинг Кросби, Бенни Гудмен, Каунт Бэйси, Дюк Эллингтон – эти и многие другие имена из мира джаза становились известными советским людям из передач «Голоса Америки», которые вел Уиллис Коновер: «Джаз – это звук свободы!» Десятки тысяч людей по вечерам, прильнув к радиоприемникам, сквозь «глушилки» ловили эти звуки свободы, пытались понять, освоить азы это высокого искусства, которое было под негласным запретом в СССР, а само слово «Свобода» ассоциируется у любой тотали-

тарной власти с бунтом, изменой. И как раз в это же время в Музыкальном училище разгорелось «дело» моего приятеля-кларнетиста студента Рафаила Рабиновича, который «посмел» организовать «на стороне» ансамбль, и там играли чуть ли не тот самый джаз! Собрали общее собрание студентов и педагогов, на котором предложили исключить Рафу из училища, как «позорящего имя советского студента»! Рефреном этого судилища было:

*Сегодня он играет джаз,
А завтра Родину продаст!*

Но студенты восстали и отстаивали своего товарища, взяв его на поруки! (Была тогда такая форма, применяемая, в основном, для покрытия алкашей).

Родину Рафа Рабинович не продал – очевидно, не нашлось покупателя – зато по окончании учебы организовал в Ярославле детский ансамбль при Дворце культуры им. А.М. Добрынина, с которым много лет выступал и через который прошло не одно поколение детей, переживших и борьбу с джазом, и сам Советский Союз.

Михаил Таллер, хударук Дома культуры Онежского тракторного завода и руководи-

тель оркестра принял меня на работу в качестве концертмейстера по вокалу и пианиста оркестра, заведя на меня Трудовую книжку с 1 января 1962 года. От этой даты и отсчитывается мой трудовой стаж до сего дня.

Эстрадный оркестр ДК ОТЗ, участником которого я стал, не был, конечно, джазом, и лишь четверо – А.Койвуниemi, М.Таллер, А.Фролов и Р.Пирхонен – были профессиональными музыкантами. В задачи оркестра входило выступление в концертах художественной самодеятельности Дома культуры и обслуживание танцевальных вечеров, пользовавшихся большим успехом в городе. А летом мы еще играли танцы в городском Парке культуры и отдыха и в Парке пионеров.

Немного об оркестре.

Михаил Таллер (ударные), виртуозно владеющий своим искусством. Наблюдая за его игрой, я много взял для себя и использовал это позже в партии ударных в музыке к хореографической миниатюре «Карельский эскиз» для Натальи Гальциной и Владимира Мельникова. А когда Михаил Таллер уехал из Петрозаводска, его довольно успешно заменил *Михаил Гроссман*, хотя он не был профессионалом. С Мишей Гроссманом мы стали приятелями.

Арнольд Евсеев (*первый сакс-альт*), аранжировщик. Тихий, спокойный, рассудительный. Принося на репетиции новые оркестровки, внимательно вслушивался, на ходу исправлял, дописывал. Редко потом дома переделывал.

Володя Ляный (*второй сакс-альт*), гонщик-мотоциклист, очень активный, весь в движении. Однажды нам сообщили, что он не придет вечером – сильно разбился на соревнованиях, не вписавшись между двух молоденьких березок. Пришел только через месяц, весь перебинтованный и веселый. После этого пользовался еще большим успехом у женщин.

Арсений Яковлевич Фролов (*сакс-тенор*), если можно так сказать, жовиальный, добродушный, любящий свой инструмент артист. Всегда перед работой тщательно подгонял трости, слушал, как звучат вверху, внизу. Любил, чтобы, во время его соло, все внимательно слушали и давали высокую оценку его выступлению.

Арно Койвуниеми (*первая труба*), артист симфонического оркестра радио и телевиде-

ния, душа оркестра. Он единственный из вех нас умел играть настоящий джаз, и был блестящим импровизатором. Каким-то образом он прошел школу джаза то ли в Финляндии, то ли в Англии – мы так и не смогли «выпытать» этого у него. Он обычно выбирал среди танцующих девушек одну и, стоя, пел для нее на своей золотой трубе песнь любви. В футляре для трубы у него хранилось множество различных сурдин, которыми он постоянно пользовался, разнообразя звук. Но еще больше было в красивых упаковках финских презервативов, как он говорил, «на всякий случай». Случаев таких, судя по их разнообразию и количеству, было тоже немало.

Андрей N (*вторая труба*), выстраивал аккорд, находясь между первой трубой и тромбоном, а **Лева Жидков** (*тромбон*), крепкий, добродушный, готовый улыбнуться молодой человек, добросовестно «выдувал медь» на своем инструменте, обеспечивая фундамент всей медной группе.

Ну, и **Рейно Пирхонен** (*контрабас*), тоже артист симфонического оркестра; **Геннадий N** (*обычная гитара*), из которой он при помощи многих проводов и каких-то, только ему

известных приспособлений, сделал электрическую, хотя она частенько сопротивлялась этому; и я, *Дима* (рояль), еще неоперившийся учащийся музыкального училища создавали много шума (вместе с ударными), которые все вместе красиво назывались ритмической группой нашего небольшого, но дружного эстрадного оркестра.

Для меня работа в этом коллективе была неоценимой практикой игры в оркестре, игры с листа, игры синкопированной музыки, импровизации, умения держаться на сцене – все это мне очень пригодилось в моей дальнейшей музыкальной карьере. (Однажды дирижер ставящегося в театре спектакля Раймонда Паулса «Сестра Керри» Владимир Березин подошел ко мне в балетном классе, чтобы показать, как надо играть один из номеров, сложный ритмически. Я попросил просто дать мне клавир. Он высокомерно протянул клавир. К его изумлению, я с листа без всякого труда сыграл то, чему он хотел меня научить.) Солисткой, выступавшей с нашим оркестром, была обаятельная *Тамара Скокова*, заведующая городским бюро ЗАГС. Когда мы с Мартой решили пожениться, она по нашей просьбе устроила регистрацию брака 31 декабря, чтобы совместить для нас празднование Нового года и день свадьбы.

Администрация Дома культуры для поднятия общего культурного уровня проходящих танцевальных вечеров, ну и чтобы сделать билеты немного дороже, часто приглашала артистов, которые давали концерт минут на 45-50 перед танцами. Однажды летом 1963 года на таком концерте какого-то вокально-инструментального ансамбля (ВИА, были тогда такие) конферансье объявил, что сейчас впервые будет исполнена песня, но из-за шума в зале никто не разобрал ни названия этой песни, ни ее автора, ни исполнителя. Вышел молодой, лет тридцати, артист и не очень выразительно пропел легкий вальсик, не вызвавший никакой реакции зала. Как много позже стало известно, это был автор – композитор Александр Колкер, исполнивший песню на стихи Кима Рыжова «Карелия». Песня эта прославилась и авторов, и Карелию, правда, уже в исполнении Лидии Клемент, ставшее эталонным, которым пользовались последующие исполнители – Мария Пахоменко, Майя Кристаллинская, Валентина Дворянинова. Долгое время при отправлении из Петрозаводска в Москву фирменного поезда «Карелия» звучала эта песня, и с последней ее нотой состав отходил от перрона. Это был очень трогательный момент! Алек-

сандру Колкеру за создание песни «Карелия» в 2009 году было присвоено звание Почётного гражданина Республики Карелия. А я, как-то будучи в Петербурге, в магазине пластинок на Невском проспекте оказался свидетелем, как высокий красивый молодой афроамериканец просил пластинку с этой песней и даже напел мелодию припева!

Этим же летом 1963 года перед началом танцев в Парке культуры и отдыха к нам за кулисы пришел молодой человек моего возраста, представился, как Володя из Кандалакши, сказал, что приехал поступать в Музыкальное училище на ударные инструменты, попросил разрешения посидеть рядом с ударником, послушать. Владимир Гайков закончил училище в классе Олави Виитасаари, потом консерваторию, много лет работал в симфоническом оркестре Карельской филармонии, преподавал в Музыкальном училище, Консерватории, выпустил более 50 специалистов высшей категории, которые успешно работают и в России, и за рубежом. Сам часто выступал с сольными программами. Заслуженный артист РФ, профессор кафедры духовых и ударных инструментов Петрозаводской консерватории им. А.К. Глазунова. Просто головокружительная карьера!

По окончании Музыкального училища в Ленинградскую консерваторию меня не взяли, именно **не взяли** (это особая тема), получил «распределение» в музыкальную школу в родной город Сортавала. Я уволился из ДК ОТЗ, попрощавшись, как оказалось, навсегда с тем периодом моей жизни и поехал отрабатывать «барщину». Но там заявили, что дать мне полную нагрузку не могут, жилья тоже нет. Вот так, «проработав» в Сортавале один день, вернулся в Петрозаводск. Дальше – Музыкальный театр, моя жизнь и судьба!

Однажды поздно вечером прихожу домой после работы, Марта молча протягивает газету и пальцем указывает:

Жена, сын... с глубоким прискорбием...
о смерти...

ГРОССМАНА
Михаила Марковича

Похороны состоятся 11 сентября в 10 час.
Вынос тела из траурного зала:
ул. Кирова, 40-а.

Для меня это был шок. Похороны уже состоялись сегодня, а я не знал и не пришел проститься! Мы с Мартой выпили за упокой души почившего, вспомнили некоторые эпизоды прошлой жизни, связанные с Мишей. Жалко. Неожиданно. Непоправимо...

Прошел год или полтора. Я иду по улице на работу в театр, глубоко задумавшись о бренности бытия. Вдруг:

– Привет!

Поднимаю глаза – навстречу, шагах в трех от меня, идет Миша с собачкой! У меня аж помутнело в глазах. Не реагируя прохожу мимо. Через несколько шагов останавливаюсь, оглядываюсь – никого! Но как же!? Ни Миши, ни собачки... Никому не сказал о происшедшем – побоялся, что отправят к врачу. Правда, на работе обратили внимание, что я какой-то не такой. Но списали на усталость.

Как сказал классик: «Уж чуя смерть, хоть и не зная срока, Я вижу: жизнь все убыстряет шаг...». Еще, где-то через полгода встречаемся с Мишей в театре:

– Ты что, как не родной прошел мимо при нашей последней встрече на улице?

Я рассказал.

– Это мой отец, он тоже Михаил. А почему ты не пришел на мои похороны?

– Но ты же не предупредил меня заранее. Теперь до следующего раза.

– Ладно, договорились. Ты тоже... имей ввиду.

– Поимею... ввиду.

На том и расстались. Пока, слава Б-гу, следующий раз не наступил.

Буся Фогельсон

Однажды перед записью одного из первых моих выступлений на Карельском телевидении я сидел за роялем в студии и потихоньку разыгрывался. Вдруг по громкой связи:

– Дима, привет! Давно не виделись. В перерыве я к тебе спущусь.

– Буся! Вот здорово!

Девушка, помощник режиссера, подошла ко мне:

– Почему Буся? Это Роберт Богданов, звукорежиссер.

Я опешил. Не мог же я ошибиться – у Буси очень специфический голос, да и откуда звукорежиссер Роберт Богданов мог меня знать? Я еще только-только начинал свою музыкальную карьеру после учебы в музыкальном училище.

Буся Фогельсон был моим другом детства. Жил он с мамой, тетей Верой, на втором этаже нашего двухэтажного деревянного восьмиквартирного дома со сдвоенными квартирами, построенном для работников культуры по улице Луначарского, д.10. Мы жили на первом. Наши соседи по квартире – тетьа Тамара Воейкова, артистка Русского драматического театра, со своей мамой и сыном Славой. Тоже моим другом. Буся был старше меня на

восемь лет, но это не мешало нам общаться и играть в шахматы. А шахматы у него были необычные, каким-то образом приобретенные у немцев (может быть у тех, что строили соседний с нашим дом на углу улиц Луначарского и Урицкого). Небольшие, искусно вырезанные из дерева и красиво размещенные в футляре, который при раскрытии превращался в шахматную доску, а после игры особо складывался и стоял на полке как украшение. Потом мы переехали на другую квартиру, учеба, мы долго, долго не виделись и вот...

В перерыве Буся подошел ко мне. Да, это Буся! Он звукорежиссер Карельского телевидения со дня его открытия в 1959 году. Про имя и фамилию я не стал спрашивать – неудобно. Да и к тому времени я уже стал читать в Публичной библиотеке подшивки советских газет 48-53 гг. и мне было понятно почему в СССР меняли еврейские фамилии. Но на самом деле все оказалось не так.

Часто бывая на телестудии, я познакомился с Анатолием Алексеевичем Гордиенко, журналистом, корреспондентом, редактором, заведующим редакцией кинопроизводства и подготовки телепрограмм, с которым частенько вместе шли домой после съемок. Он-то и рассказал мне со слов Буси его историю.

Родители Буси – Соломон Борисович Фогельсон и Вера Яковлевна Богданова учились вместе в ленинградском театральном училище на актерском отделении, где тогда учились Аркадий Райкин, Валентина Телегина, Тамара Воейкова. Будущий отец Буси родился в 1910 году в Витебске, а школу окончил в Петрозаводске в 1928 году. Работал разъездным корреспондентом газеты «Красная Карелия», руководителем живой газеты в Кеми, руководителем карельского областного ТРАМа (Театра рабочей молодежи), писал стихи. Поженились они в 1935 году, в 37-м родился мальчик, которого называли Робертом, а отец нежно звал Робертуся, Буся. Родители стали артистами Театра Краснознаменного Балтийского флота, и с театром выехали в Эстонию, незадолго до этого ставшую советской. С началом Войны выступали в концертной бригаде, руководителем которой был Соломон, обслуживали фронт. Маленький Роберт с тетей Клавой, маминой сестрой, ее дочерью и бабушкой уехали в эвакуацию. Роберт с двоюродной сестрой попали в детский дом. Отец разыскал Бусю только в 1944 году. Он показал похоронку, в которой было написано: «Артистку театра Веру Яковлевну Фогельсон-Богданову считать по-

гибшей и исключить из списков театра с 16 октября 1941 года». Отец сообщил также, что женился, забрал Бусю и они вернулись в Ленинград. 9 апреля 1944 года родился братик Борис. В 1945 году появилась мама! Она не погибла, а оказалась в плену! Остров Эзель, на котором в то время была концертная бригада, окружили немцы, и женщин решили вывести на санитарном гидросамолете, который был сбит, но летчику удалось его посадить на воду. Мама попала в плен и выжила. На расширенном семейном совете решили, что Роберт с мамой уезжают в другой город, чтобы не разрушать новую семью. Но еще и потому, что маме нельзя было жить в Ленинграде, как побывавшей в плену. Мама списалась со своей подругой Тамарой Воейковой, и так они оказались в Петрозаводске.

Соломон Фогельсон стал знаменитым поэтом-песенником, сотрудничавшим с композиторами Александром Броневицким, Яковом Дубравиным, Людмилой Лядовой, Георгием Носовым, Андреем Петровым, Давидом Прицкером, Василием Соловьёвым-Седым, Владимиром Сорокиным. Песни «Матросские ночи», «Пора в путь-дорогу», «Белокрылые чайки» стали поистине народными. В 1961 году на экраны вышел фильм

«Человек-амфибия» с музыкой Андрея Петрова, и песня о морском дьяволе из него на слова С. Фогельсона стала шлягером. Вся страна горланила: «Нам бы, нам бы, нам бы, нам бы всем на дно. <...> Эй, моряк, ты слишком долго плавал». Я тогда играл в эстрадном оркестре на танцах, и мы заигрывали ее «до дыр». Борис Фогельсон стал композитором, и детские спектакли с его музыкой «Два брата», «Жила-была Сыроежка», «Новогоднее представление» шли в нашем Музыкальном театре. Буся часто приезжал к отцу в Ленинград и тот водил его в театры, познакомил с Соловьёвым-Седым, Райкиным. Вера Яковлевна Богданова работала в Музыкальном театре помощником режиссера. Всегда готовая улыбнуться, с хорошим чувством юмора. Даже когда в Горьком, где театр гастролировал, автобус с артистами попал в аварию с трамваем, и Вера Яковлевна получила сложный перелом руки и долгое время ходила «с самолетом» – железным приспособлением, фиксирующим руку, она продолжала работать и шутила по этому поводу. Умерла неожиданно в 1971 году – пошла в сарай за дровами, и... «Скорая» даже не успела приехать. Роберт стал Богдановым по фамилии мамы и деда, проработал на карельском телевидении более сорока лет.

Три малявы

I

С Дмитрием Алексеевичем и Анной Ивановной я познакомился, когда приехал в Сегежу просить руки их младшей дочери Марты, с которой дружили уже четыре года.

На подъезде к городу в вагоне появился специфический запах, отличающий атмосферу этого индустриального центра нашей великой родины. Потом в окне появилась величественная панорама с множеством труб, из которых валил дым всевозможных расцветок и оттенков. А из одной из них над всем городом стелился огромный оранжевый шлейф – «лисий хвост», как не без некоторой гордости пояснил нам сосед по купе. Это было даже красиво. Очевидно, международные экологические организации не рисковали сюда заглядывать, а свои люди привыкли совершать подвиги, как в известной песне: «...Пока я дышать умею, Я буду идти вперед», которую я неоднократно исполнял, хотя далеко не со всеми словами был согласен. Где этот «перед», а величина эта не постоянная, нам указывали в передовицах газеты «Правда»,

какие-то ингредиенты для бумаги, на которой она печаталась, и производили на Целлюлозно-бумажном комбинате (ЦБК) этого славного города. И хотя дым был разноцветным, газета выходила в черно-белом варианте, очевидно, чтобы не отвлекать внимание читателей от глубинных мыслей и идей, выкладываемых на страницы этой «самой правдивой газеты» в мире.

Встретили нас просто, но очень тепло, по-домашнему. Выпили, как положено, закусили грибочками, откушали наваристой ушицы, из пойманной Дмитрием Алексеевичем – заядлым рыбаком – рыбы, поставили на стол самовар, выпечку, варенье – что еще надо для счастья? После этого слова песни: «Жила бы страна родная, И нету других забот!» уже воспринимались как-то по-другому. Где-то прокуковала кукушка, и я подумал, что с экологией здесь не так уж плохо. «Официальная часть» тоже прошла просто и естественно, назначили дату – 31 декабря. Заведующая петрозаводским городским загсом, Тамара Скокова, была моей знакомой – она пела с эстрадным оркестром Онежского тракторного завода (ОТЗ), в котором я был пианистом, так что никаких проблем с регистрацией не предвиделось.

Уже было поздно, нам пожелали спокойной ночи и оставили в небольшой, но очень уютной комнатке. На стене висели часы в виде домика, из домика на цепях свешивались гири, под часами в раме красовалась картина с лебедями – произведение, во всевозможных вариантах, продаваемое на всех базарах страны. Но главное это была кровать, застеленная настоящей периной. Я впервые лежал на перине – это было необыкновенное ощущение неги и счастливого восторга! Марта быстро заснула. Вдруг где-то за спиной что-то за скрипело и:

– Ку-ку, ку-ку, ку-ку, ку-ку...

Я перевернулся: дверца домика открылась, и оттуда вылезло то, что, очевидно, называлось кукушкой, которая со скрипом поворачивалась из стороны в сторону и довольно противно прокуковала двенадцать раз! Хотя мне показалось, что намного больше. Мне было уже не до сна, я ждал, когда опять вылезет это чудо. Оно вылезло ровно через час, потом еще через час. Когда же это чудовище прокукарекало четыре раза, я решил, что больше никогда не женюсь!

– Да нужно просто снять гирю, и часы остановятся, – сквозь сон произнесла Марта.

Эту ночь я запомнил на всю жизнь. До сих пор, когда я слышу кукушку, правда, случается это только тогда, когда хожу навестить

своих родных и знакомых на кладбище, мне хочется посмотреть который уже час и сколько еще осталось.

Музыкальный театр, где я работал, выделил мне комнату площадью 9 кв.м. в общежитии на улице М.Горького, и мы зажили счастливой семейной жизнью. Правда, в нашем «отсеке» с одной кухней на две плиты, огромным овальным столом посередине, покрытым шпоном из карельской березы, и одним туалетом счастливой семейной жизнью жили еще в пяти комнатах. Но, поначалу, как-то все это не очень мешало – работали много, получали мало, пили умеренно, ели, когда было что есть. Да еще принимали друзей по 10 -12 человек, праздновали премьеры, вернисажи, дни рождения, встречи и разлуки. Через эти 9 кв.м. прошли многие впоследствии выдающиеся деятели карельской культуры и искусства. Но, опять же, как поется в той же песне: «Не думай, что все пропели, Что бури все отгремели» – родилась дочь Наташенька. Чтобы ее вымыть, надо нагреть воду на плите, хоть немного обогреть кухню, закрыв ее для посещения на все это время для других счастливых обитателей нашей «вороней слободки». Но, главное, поскольку все работали в театре, то возвращались домой

в 10 -11 часов вечера. А ребенку, чтобы дожить до «светлого будущего всего человечества», необходим спокойный сон... Театр ничего обещать не может, больница, где работает Марта, тоже. А работает Марта в городском травмпункте, с его ночными дежурствами, опять же: «И снег, и ветер, И звездной полет...» Находится травмпункт, как часто у нас бывает, в самом неподходящем для этого месте, на улице Промышленной, и добраться до него можно лишь людям с хорошей предолимпийской подготовкой от остановки единственного автобуса № 3 в горку по остаткам деревянных мостков, освещенных только если «Сквозь волнистые туманы пробирается луна». Это летом и здоровым. А с травмой? А весной, осенью или зимой? И вот однажды, часа через два после того, как Марта ушла на очередное ночное дежурство, в комнату вбегают наш друг, молодой талантливый хирург Олег Машбиц-Веров:

– Дима, не волнуйся, уже все в порядке. Я из больницы с дежурства на «скорой», и мне нужно срочно обратно. Марта в отделении с небольшим сотрясением, но завтра ее отпустят домой. Она шла на работу, и кто-то сзади по голове...

Все. Струна лопнула...

Я сел и за ночь написал от имени Марты письмо Председателю Совета министров Карелии, под плач дочери, которой, видимо, передалось мое почти истерическое состояние. Написал все, что знал и чего не знал: и про военный путь отца Марты, командира отделения вожатых собак разведслужбы, его боевые награды – медаль «За отвагу», орден «Красной Звезды», орден «Отечественной войны» I степени; его подвиг при форсировании реки Буг; самоотверженный труд по восстановлению ЦБК в Сегеже, отмеченный орденом «Знак Почета». Про своего отца – воспитанника киевского детского дома, который получил в 1924 году стипендию им. Ленина, как талантливый студент; его работу в прифронтовом театре Карелии; медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». В таких условиях одна семья вырастила и воспитала четырех дочерей, другая трех сыновей. И вот теперь их дети, выросшие и получившие образование в Карелии, молодые специалисты оказались не нужны? Они должны уехать куда-нибудь в Казахстан или Сибирь только потому, что здесь для них не нашлось крыши над головой? И про Марту, которая, помогая людям,

сама подвергается опасности, идя на работу, расположенную в непригодном и просто криминальном месте. И что у дочери, растущей в таких условиях, в два года уже проявляются отчетливые признаки неврастении...

Все это я сдал в приемную. Через две недели в Горздравотделе Марте вручили ордер на квартиру в только что сданном доме на Ключевой. Через девятнадцать лет там поставили телефон, как специалисту экстренной службы. Вопросом травмпункта занимались много лет – теперь он в центре города.

Ну, что ж, «*Finita la commedia*», что в переводе на язык песни означает: «Готовься к великой цели, А слава тебя найдет!»

II

Композитор Геннадий Вавилов заметно нервничал:

– Ну, где эта твоя Чарская?! Через десять минут начало! Вы, хоть, порепетировали сегодня?

– И не только...

В помещении Дома Актера Союза театральных деятелей Карелии раз в году проходил семинар для молодых деятелей культуры под эгидой Обкома комсомола. Принимать

участие в подобных мероприятиях было престижно, и, кроме того, это был шанс заявить о себе, что немаловажно для начинающих творческих работников. И устроители, и участники готовились к этому семинару заранее и очень серьезно, подбирая кандидатуры, проверяя репертуар и работы, которые будут представлены на нем. Геннадий Вавилов обратился ко мне с просьбой найти молодую красивую артистку для исполнения песни, которую он незадолго до этого написал. Я предложил Татьяну Чарскую, приехавшую после окончания Музыкального училища при Ленинградской консерватории, первый сезон работающую в нашем театре, с которой мы уже подготовили несколько произведений Гершвина и успешно выступали. И вот...

Появляется, сияющая, Татьяна. Я хватаю Гену за руку, пытаюсь смягчить его реплику...

– Ну, ты, даешь... – он не находит слов.

Татьяна, несколько удивленно, обводит нас своими огромными искрящимися глазами, с укоризной:

– Ну, разве можно нервировать... беременную женщину!

У нас аж дух перехватило!

– Да, да, – делая изящный полукруг рукой

и глядя на часы, – я уже 52 минуты, как беременна!..

И невозмутимо поправляет прическу.

Окружающие оценили шутку. Гена во все глаза смотрит на меня: нос у меня удлинился, уши побагровели. К счастью, звенит колокольчик, призывая в зал, все шумно рассаживаются.

Официальные приветственные слова. Кто-то выступает, кто-то, может быть, и слушает, но это никого не интересует. Наконец, дают слово композитору:

– Сегодня я хочу представить вам песню на стихи Ольги Фокиной, написанную совсем недавно. Это первая песня в моем творчестве – до этого я писал серьезную музыку, но песня – это живое непосредственное обращение к молодежи. И мне приятно, что первой исполнительницей будет молодая солистка нашего Музыкального театра Татьяна Чарская.

Мы проходим в помещение кафе. Вежливые аплодисменты. Пианино зажато где-то в углу. Я ставлю ноты на пюпитр, Татьяну почти не вижу:

– М-м?..

Первые вступительные аккорды. Татьяна вдруг резко поворачивается ко мне и, не интонируя, произносит: «Мне холодно, знаешь? Мне холодно, слышишь?»

Зал от неожиданности резко замер. Даже табачный дым, казалось, застыл в воздухе. Второй куплет. Напряжение нарастает, третий... На протяжении всей песни никто не шелохнулся, а когда последнее почти шепотом произнесенное «Слышишь?» растворилось где-то за стенами зала, наступила пауза. Та пауза, о которой мечтает любой артист. И шквал аплодисментов! Это был триумф! Сразу все пришло в движение, возгласы, поздравления, бис, браво! Песню пришлось повторить – успех еще больший, чем в первый раз! Лишь после третьего исполнения и призывов ведущего смогли продолжить программу.

Подошел главный режиссер Музыкального театра Дмитрий Уतिकеев, горячо поздравил Татьяну:

– Оказывается, Вы и это можете!

Геннадий Вавилов счастлив. Через несколько дней приносит еще две песни на стихи Фокиной, и создается вокальный цикл, впоследствии с большим успехом часто исполняемый.

Как обычно и бывает в театре, после такого, наделавшего много шума выступления, о Чарской заговорили. Она успешно работает, играет ведущие роли, но ей хочется больше-

го – она решила учиться в консерватории, тем более, что там стала преподавать Ирина Степановна Гридчина – прекрасная актриса и педагог, уже на первых порах многому научившая Татьяну, как в вокальном, так и в артистическом плане. Но возникла проблема – заочного вокального отделения в консерватории нет, бросать театр тоже не хочется. Необходимо было ходатайство от Министерства культуры. В министерстве не хотят брать на себя ответственность, так как консерватория относится не к их ведомству – пусть напишет нам директор театра Звездин: «в виде исключения», «театр нуждается в артистке» и пр., а мы рассмотрим. Зная Звездина и специфику работы театра, он такую бумагу не напишет, так как должен будет освободить артистку, занятую в репертуаре, дважды в год на сессии, как раз на время зимних школьных каникул с их «елками» и летних гастролей.

– Димочка, у тебя есть пишущая машинка, ну, настучи на ней что-нибудь, а мы с Ириной Степановной попробуем уговорить Звездина и министерство, – почти безнадежно просит меня Татьяна, – у тебя же, говорят, – голова!

– А все остальное?

– Остальное похуже.

– Ладно, ладно...

Хорошо сказать «настучи». Сергей Петрович самодостаточный человек, все вопросы, связанные с деятельностью театра, решает сам, а потом уже ставит перед фактом министерство или Обком партии, поэтому «просить», да еще за молодую артистку... «Стучал» я дня три. Получилось так, что было непонятно кто, кого, о чем и зачем просит. Слова странно цеплялись друг за друга, переплетались, получалась какая-то вязь, и если не вникать в смысл, который не очень угадывался, то даже по-своему красиво – ну, помесь арабского с ивритом.

– И вот «это» я должна подать Звездину?!

– Как хочешь...

Мы договорились с секретарем, милейшей женщиной, чтобы она запустила Татьяну в кабинет после какого-нибудь приятного для Звездина разговора. Она перебрала бумаги в красной с синим обрезом папке на столе, и пригласила прийти завтра к 14.45. Назавтра в 15.05 Татьяна, сжимая бумажку, закрывает за собой дверь кабинета. Время мучительно поплыло, как на картине у Дали. Что происходит ТАМ? Долго, долго... О чем можно так долго говорить? Или да, или нет. Чего тут выяснять?

Вдруг вылетает Татьяна с каким-то победоносным кликом, бросается мне на шею,

размахивая той самой, так много значащей бумажкой, и через незакрытую дверь видно, как Сергей Петрович тихо улыбается. Секретарь прикрывает дверь, приглашая следующего посетителя.

– Ну?..

– Что, ну? Сергей Петрович раза два, или даже три основательно, как он все делает, прочитал «это», – она поцеловала бумажку, – потом посмотрел на меня:

– Витиевато. Кто писал? Цвибель?

Я даже не успела соврать, только робко кивнула. Он, не торопясь, взял ручку, повертел ей, посмотрел на фигуру бизона, стоящего у него на столе, что-то написал наискосок бумаги и передал мне со словами:

– Иди, учись...

Дальше – уже другая история.

III

– Мама, когда мы опять пойдем в гости к Андрюше, а то я уже все плохие слова забыл?

Андрюша – это мой сын. Азы родной речи он впитывал не от Арины Родионовны, а от бабы Шуры, нянечки детского садика на Ключевой. Первую осознанную фразу от него мы услышали, когда он пытался, придя домой,

засунуть в рот пустышку, с которой не расставался довольно долго. Пустышки времен активного строительства коммунизма производила отечественная промышленность, поэтому они немного не дотягивали до мировых стандартов: слипались, прогибались, рвались, ломались, и сосать их можно было, только приложив определенные усилия, что, разумеется, заметно развивало практические навыки подрастающего поколения. И вот наш сын, который еще невнятно выражал все свои мысли, и отчетливо произносил только мама, и как-то безнадежно – папа, сидя один посередине комнаты на ковре, вдруг (как оказалось позже, это только для нас «вдруг») явственно с большим чувством, как диктор первого канала советского телевидения про очередные происки мирового сионизма, изрек:

– У, соса, б...!!!

Необходимо отметить, что особых претензий к бабе Шуре у нас не было. Когда в садике одни за другими закрывались группы на карантин, единственная группа, которая ни разу не была закрыта, это как раз ее группа. Причина так и осталась не изученной. Но особую гордость вызывал стенд с набитыми деревянными колышками, на которых висели «именные горшки», т.е. горшки,

на каждом из которых красовалось имя его владельца. Всегда в определенном порядке, сияющие чистотой. Садик находился в низине, а наш дом на горке, и из окна кухни пятого этажа хорошо просматривалась группа бабы Шуры, и мы с женой подсмотрели ноу-хау, пока не запатентованное, позволяющее экономить водные ресурсы страны.

На низкой табуретке величественно, как императрица, восседала баба Шура, держа между ног горшок. К ней в строгом порядке выстраивалась очередь будущих защитников Отечества со спущенными штанами и с «петьками» наперевес. Они четко, подойдя на определенное расстояние, делали то, что положено было сделать, и быстро оставляли позицию, давая возможность другим сделать то же самое. В этом акте я усмотрел начатки военно-патриотического воспитания, воспетого (хотя «описанного» точнее по смыслу) позже Евгением Гришковцом в пьесе «Как я съел собаку».

Кстати, про садик. Лучшим садиком в то время считался Детский сад №16. Он находился (и находится до сих пор) на улице Куйбышева, и через него прошли многие дети театральных работников. Приветливый персонал, удобное расположение в центре города, недалеко от театров, что очень важно,

когда необходимо забрать ребенка между репетициями, или перед спектаклем, делали его просто идеальным вариантом.

И вот в один прекрасный день, добившись по большому благу места в этом заведении, мы с Натальей Васильевной приводим сына Митю в кабинет директора для знакомства. После обоюдных комплиментов и оформления всяческих официальных бумаг, директор нажимает кнопку звонка, и появляется нянечка с широкой доброй улыбкой.

– Анна Петровна, познакомься и принимай пополнение.

Мы мило познакомились, «пополнение» немного покапризничало, но когда нянечка сказала, что в группе есть настоящий «живой уголок», услышала в ответ:

– А бронтозавры там есть?

– Нет, там есть птички.

– Ну, да, бронтозавры жили очень давно, когда я еще был маленьким, – и они ушли, наладив контакт, и довольные друг другом.

Через год в другой прекрасный день, добившись по большому благу места в этом заведении, мы с Мартой Дмитриевной приводим сына Андрюшу в кабинет директора для знакомства. После обоюдных комплиментов и оформления всяческих официальных

бумаг, директор нажимает кнопку звонка, и появляется нянечка с широкой доброй улыбкой.

– Анна Петровна, познакомься и принимай пополнение.

Анна Петровна слегка смутилась. Мы познакомились, она хотела, очевидно, еще что-то спросить, но, встретившись с выразительным взглядом директора, увела покорное очередное пополнение в группу.

Через год подросток Сёма, которого учил нехорошим словам мой сын Андрюша, а поскольку его мама Валя была моей коллегой по театру, и воспитывала сына одна, мы решили, что он пойдет в садик №16, и я, в случае ее занятости на работе, смогу его оттуда забирать.

И вот в еще один прекрасный день, добившись по большому благу места в этом заведении, мы – Валя, ее сын Сёма и я появляемся всё в том же кабинете того же директора. Объяснили ситуацию, которую директор с каким-то даже уважением выслушала, пригласили ее на готовящуюся в театре премьеру, и все встало на свои места.

Поговорили о жизни, некоторых ее причудах. Директор как-то нерешительно нажимает кнопку звонка, и появляется нянечка Анна Петровна с широкой доброй улыбкой.

Увидев всю картинку, Анна Петровна застыла, неестественно выпрямилась, улыбка отделилась от ее лица и повисла в воздухе, как у Чеширского Кота, и медленно, медленно, задом, осторожно бесшумно закрывая за собой дверь, нянечка исчезла. Немая сцена...

Прошло время. Дети выросли. Один в Дублине, другой в Иерусалиме, третий в Санкт-Петербурге. Детский сад №16 на том же месте. Над входом в малышковую группу «Кроха» висит огромная растяжка, посвященная очередной дате Великой победы 1941-1945 гг. и много, много пятиконечных звезд – это вам уже не баба Шура, или Евгений Гришковец...

«Придут другие времена, взойдут другие имена» – так сказал поэт. Пришли и зошли.

За прошедшие тридцать лет и жизнь изменилась, и страна стала другой, но Детский сад №16 остался, хотя персонал и порядки в нем слегка поменялись. Лариса, ведущая солистка балета нашего театра, когда подрос ее сын Никита, тоже по большому благу добилась места для него в этом благословенном садике. Я уже работал в Союзе театральных деятелей, и окно моего кабинета выходило на прекрасную скульптурную композицию – сидящих на скамейке и ведущих интересную беседу Карла Маркса и Фридриха Энгельса, установ-

ленную как раз рядом с входом в малышковую группу «Кроха». И я постоянно наблюдал, как новое поколение этих крох, с трудом возвращающихся из коммунизма, проходит мимо его основоположников. Это были лучшие моменты моей работы в СТД. Но просто пассивно наблюдать жизнь со стороны я не умею. И мы договорились с Ларисой, что при необходимости, я буду забирать Никиту из садика. Уже новый директор внимательно выслушал нас, записал мои паспортные данные, и уже на следующий день...

– Вы за кем пришли? – стоя в полуоткрытых дверях, строго спросила нянечка, держа заплаканную девочку на руках, как монумент «Воин-освободитель» в Трептов-парке в Берлине. В группе оставалось уже совсем мало детей.

– Да мне все равно. Дайте кого-нибудь, и я пойду, – сорок лет работы в оперетте накладывают заметный отпечаток на мозг человека (по-моему, хорошая тема для диссертации по психиатрии).

Нянечка испуганно отступила назад и взялась за ручку двери, чтобы, в случае чего, захлопнуть ее.

– Кто Вы? Как зовут ребенка? – девочка на ее руках притихла.

– Да это же Дима! Вы что, не видите? – между нянечкой и дверью просунулась голова Никиты, – мама сказала, чтобы мы взяли всю мою одежду, ее надо постирать.

Я извинился, сказал, что я из театра. Она сочувственно кивнула. В следующий раз уже сама спросила:

– Вам кого отдать?

Вдруг девочка, которая сидела за столиком и неохотно всхлипывала:

– Меня.

– Ты что! Это же мой Дима! – запротестовал Никита.

Конечно, Никитушка, ты прав...

Однажды, придя за Никитой, обратил внимание, что нянечка не улыбается, и на глазах готовы выступить слезы. Поскольку никого, кроме нас в раздевалке не было, я заинтересовался, в чем дело. Тут она, действительно, расплакалась, закрыв дверь в группу:

– Понимаете, меня хотят уволить – директору нужно место, чтобы устроить кого-то из знакомых. А я проработала тут почти двадцать лет! Куда я пойду? Мне уже 60. Своих детей у меня нет – сын пропал в Чечне – здесь мне не одиноко, я чувствую себя нужной детям, привыкла, как к своим. А так...

– Я попробую Вам помочь.

Она недоверчиво посмотрела на меня, поблагодарила, вытерла слезы и пошла в группу.

Я сел за компьютер и глубоко задумался. Что можно написать? Какие аргументы? Ткнул первую попавшуюся клавишу... Потом, как прорвало: я писал о быстротечности жизни, о благодатных семенах, которые должны прорасти в наших детях, о передаче национальных традиций. В одном предложении у меня уместились Арина Родионовна, Надежда Константиновна, физиолог Павлов, Зигмунд Фрейд, Макаренко, Януш Корчак... «А американский психолог Отто Ранк (Розенфельд) советует...» Что он советует, я не знал, но все это каким-то образом связал с нашей нянечкой, и получилось какая-то наукообразная чепуха. В довершении написал, что садик может гордиться своими выпускниками, один из которых даже поет в тель-авивской опере!

На следующий день передал эту бумагу директору, ничего не объясняя, попросив прочитать ее очень внимательно. Извинился, что не могу уделить ей сейчас время, но готов встретиться в любое другое, удобное для нее.

Встреча не состоялась, но нянечка осталась. Она рассказала, что директриса вызвала ее и с большим уважением поговорила с ней, как будто первый раз ее увидела. Несколько испуганно показала бумагу. Чуть позже ня-

нечка попросила меня сделать ей копию этого письма, пояснив, что если ей придется искать работу, то с такой рекомендацией ее возьмут куда угодно: хоть в Горсовет, хоть в Законодательное собрание, даже в Госдуму, Белый дом, или какой-нибудь дом другого цвета...

А я подумал, по какому поводу буду писать следующую маляву? Кого поведу в детский садик № 16? У американского композитора Чарлза Айвза есть оркестровое произведение «Вопрос, оставшийся без ответа». А может быть, и не всегда так уж необходимо получать ответы на эти вечные вопросы?

И все же...

Мы идем по улице с Ларисой и Никитушкой – ему уже пять лет, он ходит в другой садик, и вообще, они скоро уезжают из Петрозаводска навстречу новой жизни. А навстречу нам – женщина с белокурой в кудряшках девочкой на руках. Лариса знакомит нас. Ирина – моя новая знакомая – радостно сообщает, что только что ей выделили место для дочери в садике, и через полгода, когда Агате исполнится два годика, она отведет ее туда. Вот только могут возникнуть проблемы с тем, что рабочий день у нее не нормирован, и не всегда она сможет забирать ребенка из садика вовремя.

– А в какой садик?

– Да тут рядом, садик № 16. (!)

Лариса, улыбаясь, выразительно смотрит на меня...

Вот так «причудливо тасуется колода».

Мой друг Саня

Наша семья жила в маленькой однокомнатной квартире восьмиквартирного деревянного дома, заселенного работниками искусств, без воды и центрального отопления. Угловая комнатка с двумя окнами, где стояли рядом три кровати: вдоль стены мамина с папой; прилепившись к ней кровать маленького братика Валерика, изголовьем в окно, через которое однажды, разбив стекло, прилетел и упал на подушку рядом с его головкой приличного размера камень; тумбочка и кровать старшего брата Володи вдоль другой стены, упиралась в письменный стол, перед которым было второе окно; и перпендикулярно столу, прижавшись одной стороной к нему, другой стороной к стене, моя кровать почти до самой круглой печки. В комнату можно было попасть через кухню, где была плита, отапливавшаяся дровами, небольшой кухонный стол и три стула.

И вот в эти «хоромы» папа пригласил, как он весело сообщил, гостей – семью своего приятеля с близнецами Лялей и Нюней. Мама как-то выразительно посмотрела на него, но папа сказал, что их семья живет в ненамного лучших условиях, тоже в деревянном доме.

Дети на год старше меня, им семь лет, они родились уже в Петрозаводске, а сами родители из Польши, попавшие в СССР во время Войны и некоторое время, до Петрозаводска, жившие в Омске. Когда папа сказал, что мальчика зовут Нюня, я громко рассмеялся. Но папа объяснил, что по-польски это не смешно, у каждого народа есть свои имена, и нехорошо над этим смеяться. Мы поставили Вовину кровать на мою, кровать Валерика на стол, а самого Валерика, который даже не проснулся, на кровать родителей, и места стало даже много. Взрослые разместились на кухне, а дети в комнате на полу на ковре, и получилось очень даже хорошо – уютно и весело. Но самое главное для меня было то, что они приехали на машине «Победа»! Она вся блестела, фары зажигались, окна на дверях можно было открыть, крутя специальную ручку, двери с каким-то особым звуком защелкивались! С тех пор мы подружились. И именно тогда папа уговорил родителей поменять Нюне имя, так как через год он пойдет в школу, и там его ребята будут дразнить, тем более что он еще и очень полный. Так Нюня стал Александром, Сашей, Саней, а по паспорту – Исааком. А Ляля осталась Лялей, хотя по паспорту – Бронислава.

Родители Сани и Ляли – Генрих Исаакович (Ицкович) и Рена Ноевна Хумек – во время Войны были в эвакуации в Омске, где в 1941-42 годах преподавали в музыкальной школе и музыкальном училище: Генрих Исаакович – скрипку, Рена Ноевна – рояль. В 1942 году работали в концертных бригадах филиала Ленинградской филармонии, в 43-44 – бригадах на Карельском фронте. В 1944 году они приехали в Петрозаводск (здесь родились их дети), где работали в Музыкальной школе. Кроме этого Генрих Исаакович организовал при филармонии струнный квартет, ансамбль скрипачей, а когда открылся Музыкальный театр, стал концертмейстером оркестра театра, а в 1958 – дирижером. Генриху Исааковичу приписывают фразу: «Если ученик не играет четыре концерта в год, он должен вылетать из училища, как пробка из бутылка». Несмотря на хороший русский язык, у него был легкий акцент, и он иногда оговаривался: «шоста цифра», «дышите грудями», вызывая добродушные улыбки коллег. В 1965 году наш театр гастролировал в Казани. В это время там была съемочная группа кинохроники из Нью-Йорка – они снимали репортаж о том, что происходит в поволжских городах и пришли в театр, чтобы снять репетицию

спектакля «Моя прекрасна леди». Мюзикл «Моя прекрасная леди» (My Fair Lady) Фредерика Лоу на либретто Дж. Лернера по пьесе «Пигмалион» Бернарда Шоу был впервые поставлен в 1956 году в Нью-Йорке на Бродвее, экранизирован в 1964 году, получив восемь кинопремий «Оскар», в том числе и в номинации «Лучший фильм». В СССР спектакль был поставлен в 1964 году в Ленинградском театре музыкальной комедии с Зоей Виноградовой в главной роли, а в 1965 году в Московском театре оперетты с Татьяной Шмыгой. А в Петрозаводске – в 1963 году (!) с Ниной Полагаевой! В театре очень гордились этим. Дирижером-постановщиком был Генрих Хумек. Однажды на своей «Спидоле» по «Голосу Америки» я поймал музыку «Леди» и дал послушать Генриху Исааковичу, и он, припав к приемнику, сквозь глушилки жадно прослушал передачу и с радостью отметил, что правильно ее интерпретирует! Генрих Исаакович прекрасно играл... на бильярде, который был в Доме офицеров, и злые языки шептали, что деньги на машину у него оттуда. Рена Ноевна одно время играла на аккордеоне в ресторане, ходя между столиками, но это «безобразия» быстро запретили, и даже стоял вопрос о возможности ее работы в детской музыкальной школе.

Мы подружились. Я стал частым гостем в их доме. Дом был деревянным, в два этажа (они жили на втором), без воды и центрального отопления, водяная колонка рядом во дворе. Рядом же и небольшой садик, в котором летом иногда мы пили чай с вкусной выпечкой. С Саней мы играли в футбол: он на воротах, я «нападающий». Иногда к нам присоединялся еще кто-нибудь из детей, живущих по соседству. Недалеко находилась филармония, где работал Генрих Исаакович, во дворе которой стоял теннисный стол, и мы с Саней часто там пропадали. Я заходил к Сане и когда ходил за керосином в керосиновую лавку, одиноко стоявшую на берегу реки Лососинки. Обычная картинка: мы с Саней во дворе пинаем футбольный мяч. В раскрытом окне второго этажа показывается Рена Ноевна:

– Саша, иди, перепиши уроки – Ляля уже все сделала!

Саня неохотно вразвалку идет переписывать. До четвертого класса они были круглыми отличниками. Мы вместе учились в Музыкальной школе, но у разных педагогов. Моим педагогом была Екатерина Карловна Рикконен, ученица легендарной Елены Фабиановны Гнесиной, создавшей много-

ступенчатую систему музыкального образования и основательницы Государственного музыкально-педагогического института имени Гнесиных и Специальной музыкальной школы-десятилетки. В Москве ей поставлен памятник. Саня, кроме рояля, параллельно учился и на скрипке – он был одаренным ребенком. Вместе же поступили в Музыкальное училище.

На первом курсе Музыкального училища моим педагогом по специальности был Тобяш Давыдович Купервейс – ироничный, спокойный с тихим юмором человек. В дальнейшем у него же мы с Саней занимались в классе камерного ансамбля. В его характере ненавязчиво угадывался какой-то «второй план». Лишь много, много позже, занимаясь еврейскими делами, из попавшей мне случайно в руки книги Тобяша Давыдовича «Путешествия Вениамина IV», узнал его биографию, во многом типичную для евреев его времени, где он пишет и о петрозаводском периоде своей удивительной непростой скитальческой жизни.

23 августа 1939 года национал-социалистическая Германия и просто социалистический Советский Союз заключили Пакт, по которому они поделили Польшу, и между

ними начался непродолжительный период «дружбы скрепленной кровью», по выражению одного из участников этого катастрофического фарса Сталина.

Семья Купервейсов, совершенно не желая этого, оказалась в оккупированной немцами Варшаве со всеми вытекающими из этого положения трагическими последствиями.

Из книги Тобяша Купервейса «Путешествия Вениамина IV»:

«<...> Вроде, все спокойно. И вдруг, будто из-под земли, появились немецкие солдаты. Облава! Первое, еще не осознанное, автоматическое движение – шаг в сторону... Ближайшая подворотня рядом, в двух шага!.. Но и там солдаты... Мое движение не осталось незамеченным; сильная рука хватает меня за шиворот:

– Хальт! Стоять! Verfluchte!

Вырваться бесполезно, да и опасно. Немец уже понял, что я намеревался убежать, и, подозвав солдата, приказывает:

– Во двор! Расстрелять! Erschiessen!

Солдат подталкивает меня ружьем и ведет через подворотню во двор. Дом разрушен, лишь одна часть сохранилась. Отвалилась передняя стена, и очень непривычно смотрелись сверху донизу разноцветные

клетки-комнаты с мебелью. В самом низу, в квартире первого этажа, как-то странно наклонившись, стояло пианино, засыпанное стеклом, штукатуркой, кирпичом... Туда я и направился, чувствуя за спиной не только дуло винтовки, но и дыхание немца. <...> Я машинально приподнял крышку. Клавиатура цела... Я невольно глянул на немца: молодой парень, его винтовка и его взгляд нацелены на меня; но в глазах нет злобы.

– Умеешь играть? – спрашивает.

– Да

– Покажи!

Я присаживаюсь на какой-то большой обломок и... начинаю Сонату Бетховена, третью, до-мажорную, мою любимую... Во дворе показался еще один немец.

– Это что здесь такое?! – спрашивает он. Но мой конвоир, держа меня «на мушке», спокойно отвечает:

– Пусть! Сейчас прикончу! Ты иди!

Тот уходит со словами:

– Кончай скорее и догоняй нас!

Мой конвоир подходит ко мне и говорит:

– Хватит! Хорошо играешь! Теперь беги! Schnell!

Срываюсь с места молнией, мой конвоир стреляет... в воздух...

Ах, Музыка, Музыка! Сколько раз ты спасала меня от верной гибели! А ведь именно моя Мама хотела, чтобы я учился играть. Материнское сердце знало! Оно самое доброе, самое мудрое... Оно навсегда осталось со мной!..»

А вот что говорит сын Тобяша Давыдовича Константин, который окончил Музыкальную школу в Петрозаводске и первый курс Музыкального училища в 1963 году, после чего семья переехала в Ереван, в одном из интервью об отце:

«Папа был необыкновенным человеком, добрым, мудрым, талантливым пианистом. Родился он в Польше. В России оказался, когда часть Польши стала советской. Все его родные погибли в Трешлинке, он остался жив чудом. Герой фильма Полаански «Пианист» Владислав Шпильман и вся его история как будто списаны с папы. Когда вы прочтете книгу, многое поймете о моем отце. Он умер в преклонном возрасте несколько лет назад. О его кончине мы не решились рассказать маме, ей уже исполнилось сто лет... Мама тоже была пианисткой. Мне их очень не хватает».

(Константин стал великолепным известным пианистом и композитором, почти 20 лет был мужем Людмилы Гурченко).

Как-то в училище мы с Саней в чем-то провинились, и нас вызвал к себе ВРИО директора училища, бывший военный Н. Он прочитал нотацию на тему, как должны вести себя советские студенты в то время, когда все советские люди самоотверженно трудятся, вдохновленные историческими решениями очередного (или внеочередного?) Пленума ЦК КПСС, объявившем об ускорении строительства коммунизма. Потом кому-то позвонил и послал нас «исправляться» на стройку дома на углу улиц Кирова и Свердлова, недалеко от училища. Женщины на стройке очень нам удивились, сказали, глядя на Саню, – Какой красивый еврейчик пришел к нам (меня таковым не признали), – дали в руки лопаты и показали на кучу мусора, который мы должны были перекидать в большой контейнер. Саня никогда лопату в руках не держал. Он повертел ею, прикинул на вес, воткнул в кучу, попытался вытащить обратно. Не получилось – руки скользили по черенку. Со словами «труд рабов непроизводителен» гордо повернулся и пошел прочь. Я за ним, но, все же, перед этим два раза копнул, но сил забросить в контейнер не хватило – и «все это» посыпалось на меня. Так мы внесли свой посильный вклад в непосиль-

ное строительство этого самого коммунизма – светлого будущего всего человечества, который, по заверению партии, должен был наступить в 1980 году.

Вообще-то, мы с Саней за прогулы занятий и прочие небольшие нарушения дисциплины не раз вызывались к директору Евгению Михайловичу Эпштейну, кандидату исторических наук; доценту, заведующему кафедрой Карельской государственной педагогической академии; заслуженному деятелю науки Карельской АССР; кандидату в мастера по шахматам, за какие-то провинности разжалованным в Музыкальное училище. В таких случаях мы всегда говорили, что играли в шахматы, и он, добродушно улыбнувшись, отпускал нас, слегка пожурив. А когда однажды мы предложили ему сыграть с нами на двух досках одновременно – после этого вообще могли не ходить на занятия. Но его перевели на другую работу, и «турнир» не состоялся.

Музлитературу нам преподавала Неонила Ивановна Дейнаревич, крупная шумливая, но добродушная женщина. Во время зачета или экзамена, раздав билеты с вопросами, вдруг смотрела на часы, и как будто что-то вспомнив, строго:

– Мне необходимо отлучиться на пять минут. Смотрите у меня, чтобы никаких шпаргалок, а то... – и уходила, пригрозив пальцем и крепко прикрыв за собой дверь.

Мы, конечно, «смотрели»... все, что нам нужно было, до того, как она возвращалась, долго толкая дверь в класс, чтобы мы успели убрать все, что ей не положено было видеть.

– Ну, никто не подсматривал? – и начинался зачет или экзамен.

Однажды Саня так увлекся чтением учебника, что даже не спрятал его:

– У, тут так интересно написано! – наивно глядя на Неонилу Ивановну изрек он.

– Ты что, до этого и не читал?

– Не читал, – чистосердечно признался Саня.

– Давай зачетку.

Она поставила ему зачет:

– Иди и дочитывай!

На втором курсе все, кто еще не был комсомольцем, должны были вступить в комсомол. Поэтому после занятий проводили мероприятия по подготовке будущих комсомольцев к этому серьезному событию в жизни советской молодежи, потому что комсомол – это резерв партии, как тогда гордо постулировали. Все оставались в классе,

а мы с Саней демонстративно покидали помещение под завистливые взгляды наших сокурсников. Никакие увещевания на нас не действовали. А Саня еще и заявил:

– Не хочу быть в резерве! Я буду впереди!

Мы, конечно, не могли тогда знать, как нам аукнется такая независимость от «стада» всего через три года.

Окончив музыкальное училище, мы с Саней и Лялей поехали поступать в Ленинградскую консерваторию на фортепианное отделение. (Саня окончил по двум специальностям – фортепиано и скрипки – случай беспрецедентный.) Был, конечно, огромный конкурс, но мы с Саней очень хорошо сдали специальность и это, практически, означало поступление. Ляля – просто хорошо, и не прошла по конкурсу, она поступила на следующий год. И вот нас с Саней пригласила на разговор преподаватель по специальности, чтобы ближе познакомиться, задать задание к началу учебного года и наметить план нашей учебы, сказав, что берет нас к себе в класс. Мы были счастливы! И вдруг во время разговора в класс буквально врывается человек в нарукавниках с какими-то бумагами и спрашивает кто здесь из Петрозаводска. Мы с гордостью называем себя, думая, что нас сей-

час поздравят. А он, показывая какое-то письмо с печатью, торжественно заявляет:

– В приемную комиссию пришло письмо из Петрозаводска из горкома комсомола, где сказано, что такие, как Хумек Александр и Цвигель Дмитрий не должны учиться в советском высшем учебном заведении. Заберите, пожалуйста, ваши заявления и документы, до дальнейших экзаменов вы не допускаетесь, и больше можете не беспокоить нашу консерваторию.

Мы в шоке! Педагог вскакивает с места и со словами, обращенные к нам, – Не беспокойтесь, сейчас все выясним, – берет его под руку и уводит. Отсутствовала она довольно долго. Вернулась, сильно огорченная, с нашими документами и дипломами в руках:

– Ничего нельзя сделать. Там такая кляуза, что никто не решится взять на себя ответственность. Единственное, чего удалось добиться, это забрать ваши дипломы, чтобы отдать вам на руки. Поезжайте в Алма-Ату – там экзамены попозже, вы поступите. А через год все это уладится, приезжайте – я беру вас к себе в класс.

С ее стороны это был почти подвиг: тогда после окончания учебных заведений дипломы на руки не выдавали – надо было отра-

ботать по направлению три года, чтобы их получить.

Но жизнь распорядилась иначе.

Мы никак не ожидали, что Саню заберут в армию. Но, взяли. Он не то, что подтянуться на перекладине не смог, но и просто висеть! Заставили бежать – он через несколько метров просто упал; надели противогаз – задохнулся, и его пришлось откачивать. Дали обмундирование – шапки на его большую голову не нашлось, так и ходил без шапки; ремень застегивался только низко спущенный под живот, а тот, который мог бы ему подойти, был предназначен для генералитета, а до генерала Саня еще не успел дослужиться, когда мы с Лялей пришли навестить его первый раз после карантина, который он проходил в Петрозаводске. (Карантином называлось время до принятия присяги). Его глаза, полные муки, я запомнил на всю жизнь! А без Сани могущественная советская армия, как нам говорили, не могла обойтись?! А то, что он – талант, и мог в армии этот талант похоронить?

Еще Саня рассказал, что стоит сплошной мат, к которому он не может привыкнуть, и который его унижает. Старшина так и заявил: «Армия без мата, как солдат без автомата».

Или еще: «Без русского мата это не приказ, а пожелание». Саня воспитывался в совершенно другой атмосфере и не знал, что мат в русской разговорной речи не ругательство, а знаки препинания, или выражение высшего восторга. Существовал даже такой анекдот:

Колхозника в составе официальной делегации направили на выставку в Париж продемонстрировать достижения советского сельского хозяйства. По возвращении, его жена спрашивает:

– Ну, как там, в Париже?

– Ну, Мань, чего говорить-то? Посмотришь направо – мать! Посмотришь налево – мать! Вокруг – мать!.. Ты почему, дура, плачешь?

– Ой, Вань, красота-то какая!

В конце концов, все это кончилось для Сани больницей, из которой он вышел уже на волю. Но осадок в душе остался.

Как-то так получилось, что мы с Саней о музыке вообще не говорили, существовали в параллельных музыкальных мирах. Единственный раз я аккомпанировал ему в концерте балетную миниатюру «Слепая» на музыку Мануэля Понсе «Эстрелита» («Мексиканская серенада»), когда он в 1965 году недолго работал в оркестре театра как скрипач. Театр был

на гастролях в Мурманске, и группу артистов пригласили на вечер советско-финской дружбы на строящуюся Туломскую ГЭС, территория которой временно считалась финской. Мы слегка удивились, когда нам подали советский автобус ПАЗ – мы ждали большего. Но когда этот ПАЗик по грунтовой дороге постоянно шел со скоростью не менее 90 км в час, мы поинтересовались, в чем дело. Оказалось, что у этих автобусов «хорошее железо», а двигатель выбрасывают, ставят американский с автоматической коробкой передач, и они долго и успешно служат в любых условиях. Строительство ГЭС велось финнами, и прежде всего они построили, как нам сказали, временный поселок: аккуратные коттеджи на две семьи с встроенными холодильниками, большими подвалами и чердаками, школу, детский сад, стадион, электростанцию, баню, прачечную, гостиницу, магазины, пожарную часть, очистные сооружения, вся территория освещалась люминесцентными лампами. Остекленную кочегарку на въезде в поселок, сияющую огнями, мы приняли за дом культуры. И это почти за 300 километров от финской границы! Когда для нас устроили экскурсию по поселку, мы обратили внимание на несколько домов, на дверях которых

висели неряшливо прибитые амбарные замки. Нам объяснили, что замки не предусмотрены проектом домов, так как у финнов они не приняты – это на дверях советских специалистов, которым без них «неуютно». Наш концерт принимали очень тепло, и мы впервые кроме аплодисментов слышали топанье ног как выражение высшего восторга! В ответ нам показали детский танцевальный ансамбль, если можно так выразиться: дети минут пятнадцать ходили по кругу с каким-либо выражением на лице. Но выглядело это довольно трогательно. На обратном пути Саня сидел задумчивым и под конец тихо, для себя, произнес «надо ехать»!

В театре Саня познакомился с приехавшей из Минска балетной девушкой Розой, и у них завязался роман. Роза была красавицей, и Санин папа очень хотел их поженить (может быть больше, чем они сами). Но, так или иначе, они съездили в Минск на смотрины, и день свадьбы был назначен. Я поехал в розарий, недавно построенный в Петрозаводске финнами, чтобы купить букет для Сани и его прекрасной невесты. Мы с сотрудницей ходим, выбираем цветы, уже срезали две шикарные розы пурпурного цвета, когда слышали:

– Кто здесь Свигель?

Я понял, что это про меня, испугался: что могло случиться такое, что меня здесь разыскали.

– Сейчас позвонили и сказали, чтобы Вы розы не покупали – свадьбы не будет, – это директор розария сообщила такую неожиданную новость.

Я оплатил эти две «розы для Розы» и побежал к Сане домой. Когда он увидел меня с двумя пурпурными розами, опешил:

– Ты что это с двумя розами? Я еще жив!

Оказалось, что у него, очевидно от волнения, поднялась температура до 39-ти. Вызвали скорую помощь, ему что-то куда-то вкололи и все обошлось. Но свадьбу отложили. Больше всех, как мне показалось, расстроился Генрих Исаакович – очень, уж ему хотелось женить Саню. Но, в конце концов, через некоторое время свадьба благополучно состоялась, и молодые уехали в Минск, где Саня поступил в консерваторию.

В 1967 году из США пришло приглашение семье Хумеков на переезд по программе воссоединения семей, подписанное аж Государственным секретарем Дином Раском. Дело в том, что Рену Ноевну через международный Красный крест разыскала сестра, бежавшая

туда от фашистов – единственная оставшаяся в живых из всей этой большой семьи. Ляля с мамой съездила в США «на разведку» и решили уезжать. Ляля за один год закончила два курса консерватории, и ей осталось только сыграть государственный экзамен, чтобы получить диплом, но были обозначены сроки выезда, консерватория навстречу не пошла, и диплом Ляля не получила – пришлось уже в Америке пройти весь курс обучения и получить диплом там. Саша развелся с Розой – она уезжать не захотела, а приглашение было на всю семью: либо все, либо никто. И мы в 1968 году с ними расстались. Проводить на вокзал пришли только самые близкие, кроме агента КГБ, который наблюдал с переходного моста через железнодорожные пути, и которого узнала Людмила Куцовская – он сопровождал их группу в поездке в ГДР.

В Америке родители обосновались в Нью-Йорке, Ляля уехала учиться в Буффало, рядом с Ниагарским водопадом, Саня оказался в Колорадо. Он получил стипендию на учебу как способный ученик, но бросил занятия: «Тут же надо по-настоящему учиться», написал он, и занялся антикварным бизнесом. Ляля прислала фотографию своего посещения брата, написав: «Не перепутайте:

в середине – Саня, справа – я, слева – бульдог». Но не написала, как считать где право и где лево. А по Петрозаводску поползли слухи, распространяемые компетентными на то органами: Генрих Исаакович сразу же по приезде умер; Рена Ноевна в приюте для бездомных; Саню забрали в армию, и он пропал в джунглях Вьетнама – его съели то ли крокодилы, то ли сами вьетнамцы; Ляля – главная проститутка на Бродвее (ладно хоть главная).

С Лялей мы несколько лет переписывались, а когда в 1972 году у нас родилась дочь Наташенька, она присылала для нее красивую детскую одежду, которую, когда Наташенька подрастала, мы передавали знакомым для их детей. Но после того как три посылки «не дошли до адресата» – наверное, стрелочник не туда перевел стрелки, переписка вообще прекратилась, и наши письма оставались без ответа. Ляля благополучно закончила консерваторию и прислала фото со своего сольного концерта. Вышла замуж, стала Меландинидис, родила дочь. Потом к ним приехала свекровь, и Ляля написала: «Все свекрови одинаковы – что американские, что греческие, что еврейские». Они разошлись. Позже, когда в России появился доступный Интернет, я пытался разыскать ее, но безуспешно.

Вот такая, немного грустная, как и всё в жизни, история.

P.S. Да, совсем забыл сказать. Когда Саня познакомился с девушкой Мартой, он захотел представить ее мне, сказав, что теперь у него будет пятерка по гармонии, потому что Марта – младшая сестра жены преподавателя Музыкального училища Пети-Бори (Петра Борисовича Козинского). С этим предметом у Сани были некоторые проблемы. Мы договорились встретиться втроем перед кинотеатром «Победа» в центре города. Девушка мне не понравилась, о чем я откровенно и сообщил Сане. Он не обиделся, они продолжали некоторое время встречаться. По гармонии у Сани заметно лучше не стало. А 31 декабря 1966 года мы с Мартой поженились. И, если будет на то Его воля, 31 декабря 2026 года отметим 60 лет совместной жизни – спасибо моему другу Сане!

Дядя Жора

На проходной в театре появился новый дежурный – маленький пожилой человек, радушно встречающий всех входящих, выдающий ключи с «волшебным» словом – пожалуйста, готовый к разговору и сочувствию. Он как-то быстро стал частью театральной семьи. Большинство проходящих в театр не проскакивали мимо него, схватив ключи, углубленные в свои проблемы, а считали своим долгом обязательно поздороваться и сказать пару слов. О себе он не рассказывал, жил, по-видимому, один – это было видно по его одежде, надетой безо всякого подбора, чистой, но старенькой, никогда не обновляемой. Я тоже, приходя почти каждый день в театр после утренних репетиций, когда классы свободны и можно было позаниматься – своего инструмента дома у меня не было – перекидывался несколькими словами с ним. Однажды я в каком-то контексте обронил, что с детства жил недалеко от театра, которого тогда даже и не было, на улице Луначарского, а потом почти там же на Урицкого. Он как-то оживился и сообщил, что в те годы работал в пожарной охране этого района. И тут уж было не до занятий – мы

разговорились. И каждый раз, когда никого рядом не было и можно было поговорить, мы вспоминали «дела дано минувших дней». Из этих разговоров и вырисовывались «картинки прошлого».

Началось с того, что он вспомнил, как однажды пришел оперуполномоченный милиции в театр и спросил где можно встретиться с Цвибелем Дмитрием Григорьевичем. Дядя Жора сказал, что Цвибель сейчас занимается в репетиционном зале на четвертом этаже, и поинтересовался:

– Что-то серьезное?

– Надо допросить по одному делу.

А произошло вот что.

Я шел на вечернюю репетицию со стороны служебного входа. Подходя к театру, заметил далеко впереди женщину, идущую мне навстречу, а навстречу ей шел нетвердой походкой здоровый молодой парень. Поравнявшись с женщиной, он вдруг ударил ее так, что она упала и закричала. Он побежал – я за ним. «Уши» моей ушанки угрожающе махали, как крылья коршуна, в руке портфель – все, как в плохом кино. Уже на площади перед главным входом в театр догнал его. Тот встал в стойку, но я с разбегу повалил его и мы немного повалялись по размокшему снегу. Оказавшись

наверху, я схватил его за одежду, слегка приподнял и «приложил» об асфальт. Он размяк. Прижав его к земле, попросил прохожих вызвать милицию. Парень просил его отпустить, но я сказал, что передам его в милицию, тогда он стал истошно кричать, что его бьют, что я гебешник и пр. Какой-то сердобольный из окна жилого дома напротив стал орать, чтобы я его не мучил и отпустил, кто-то побежал в театр и вызвал милицию. Подъехала милицейская машина, я рассказал, что произошло, и это подтвердила подошедшая к нам пострадавшая женщина. Парня забрали, милиция занялась женщиной, я весь грязный пошел на работу, и тогда только сообразил, что все это время не выпускал из рук мой любимый рыжий портфель, купленный по дешевке в комиссионном магазине! Через месяц в театр пришел следователь, и поговорил со мной. Увидав меня, сидевшим за роялем, милиционер недоверчиво спросил:

– Это Вы так сильно побили парня?

Я очень удивился, и сказал, что горд тем, что даже ни разу его не ударил.

– А, это, значит, наши ребята поработали!

От него я узнал, что парень посещал секцию каратэ, воевал в Афганистане, после были запои.

Позже в газете появилась маленькая заметка: «Какая доза алкоголя смертельна» об этом инциденте. В ней говорилось, что парень называл меня «работником госбезопасности». Ему дали полтора года условно.

Дядя Жора курил. И курил он папиросы «Беломор», по возможности, производства фабрики им. Урицкого, считавшиеся тогда лучшими. Как-то он узнал, что они продаются в столовой Обкома партии, а поскольку он партийный, значит, он имеет право пойти туда и купить. При входе дежурный милиционер остановил его и спросил, куда он направился. Когда Дядя Жора честно сказал куда, тот его грубо оборвал и сказал, что если «всякие» будут сюда ходить в столовую, то... Короче, понятно – не для народа же все это. Когда я случайно в разговоре узнал про этот случай, то попросил главного дирижера театра и по совместительству парторга Лео Золтановича Балло купить мне эти папиросы для «моего друга», что тот и сделал. Дядя Жора был тронут. Очевидно, это и подвигло его однажды на партсобрании сказать, что в театре есть только один настоящий коммунист – это Дима Цвибель. Зная мои убеждения, в театре долго еще в шутку обзывали меня «настоящим коммунистом»!

Вспомнили мы, как однажды толпа переселенных белорусов, которые жили на двух баржах, стоявших у причала в порту, тащила в милицию вора, и могла его забить насмерть, если бы не тщедушный милиционер, который пытался его защитить, и брал на себя часть побоев, предназначенных вору. А когда их свалили в приямок строящегося на перекрестке здания лесотехнического техникума, раздался специфический свист, который многие уже знали и побаивались. Вся эта «куча» остановилась и замолкла. Это был Кашпан, известный в районе авторитет. Он подошел, помог милиционеру выбраться из приямка, вытащил и вора, схватив его за шиворот. Вор оказался из его компании. Кашпан сказал, что тот получит и от милиции и от него то, что ему полагается. Толпа успокоилась, и дальше все пошло уже строем, как на демонстрации, в отделение милиции.

Кашпана я знал давно. Настоящего имени его никто не называл, наверное, и не знали. Когда в нашей семье родился мой младший брат Валерик, все внимание было отдано ему, а я пользовался почти неограниченной уличной свободой. Жили мы в районе водников, который, в большинстве своем, населяли моряки, работники водного транспорта,

порта, судоремонтного завода, и который имел дурную славу. Тогда я пытался научиться курить – местные ребята мне давали попробовать капитанскую трубку с красивой металлической крышкой. Но после первой же затяжки меня всегда тошнило, и дело не пошло. Драки и грабеж были здесь нередким явлением. Однажды решили «подломить» ларек, торгующий водкой, овощами и рыбными консервами местного производства. Я был самый маленький из всей этой братии – мне было тогда лет шесть или семь. Кашпан дал мне огромный дрын и поставил «на шубе» на перекрестке возле столба, на котором висел фонарь, освещающий только сам столб и высоко приделанный рубильник, который я должен был вырубить, если появится милиция. Милиция не появилась, и все прошло как по нотам. Но... Утром следующего дня наблюдалась такая картина: дверь ларька была взломана, на ящике из-под водки сидела продавщица Нюра и плакала, причитая, что кто-то напился, как свинья, а она должна будет платить за украденную водку. Так вот, Кашпан распорядился, чтобы каждый участник взлома принес или бутылку водки, или деньги, чтобы возместить ущерб. Меня он освободит от этого «оброка». Как добывали

всё это можно себе представить, но через два дня дело было закрыто, в милицию даже не обращались.

Дядя Жора слышал об этой истории – ее передавали из уст в уста безо всякого телевизора, но, естественно, не знал, что я в ней участвовал.

Однажды, придя в театр, я застал дядю Жору плачущим. Он уже сдал вахту, но домой не уходил. Мы отошли в свободный класс, и он рассказал:

Два дня назад ночью к нему тайно пришел сын, который отбывал срок в 15 лет. Сел он за убийство во время драки с «самповскими» – тогда город был поделен на враждовавшие между собой районы. Убили кастетом – такие кастеты отливали в песке на берегу Онежского озера. Сын убийство отрицал, доказывая, что у него была заточенная бляха, которую он и представил в доказательство. Но кого-то надо было посадить, а другие не нашлись, вот он и сел. Осталось ему отсидеть полтора года, и вдруг он бежал и пришел к отцу, сказав, что только переночует. Рано утром он ушел, ничего не объяснив, поцеловал отца и сказал, чтобы «не поминал лихом». Сегодня домой к дяде Жоре пришли из милиции и сообщили, что его сын задержан за убийство с особой

жестокостью. Взяли показания. Кто убитый, при каких обстоятельствах, предполагаемые причины – все это тайна следствия. Ждите, идет расследование.

– Я же уже не доживу до его возвращения!
– несколько раз повторял дядя Жора.

Что можно было сказать ему в утешение?

Он уволился из театра, и больше я с ним не встречался.

Дорогой дядя Жора! Хороший, добрый человек – Георгий Михайлович Саркисов.

Крещенный Октябрем (в ноябре)

«Все счастливые мамы похожи друг на друга, каждая несчастливая мама несчастлива по-своему» (Д.Цвибель).

Годовалый Сенечка – любимый долгожданный сын моей коллеги по театру Валентины Нестеровой рос беспокойным ребенком: ночами ворочался, кричал во сне, скрипел зубами. Врачи говорили, что это пройдет само собой, но Валя очень переживала из-за этого. Сердобольная соседка посоветовали Вале ребенка крестить. Для этого понадобился крестный, да такой, чтобы меньше болтал, и чтоб не было с ним проблем. Недолго думая, Валя обратилась ко мне. Я попытался объяснить, что не очень подхожу на эту ответственную роль по нескольким причинам: не крещенный, не православный, не верующий, не... и вообще, еврей! Валя, человек начитанный, процитировала Евангелие: «Нет ни Эллина, ни Иудея, ни обрезанного, ни необрезанного...». А по поводу моих возможных грехов: «Кто без греха, пусть первым бросит камень». Никто камень в меня не бросил, и мне пришлось согласиться. Через не-

сколько дней Валя с радостью сообщила, что договорилась со священником Крестовоздвиженского собора на Зареке – он согласился провести обряд крещения в 10 часов утра 7 ноября! Полный... Вот и я того же мнения.

С этим собором, вернее, с кладбищем и этим районом вокруг него у меня связаны детские воспоминания.

Мы жили в районе водников и назывались водниками, в районе кладбища – зарецкие, выше – самповские, еще дальше – голиковские. В то время существовала непонятная вражда между районами. Если кто-то попадал в другой район, и его опознавали, то могли серьезно побить. Тогда не стоял вопрос «бить или не бить». Приходилось и бить, и быть побитым.

Мы с ребятами ходили на кладбище собирать бузину, которая там буйно росла. Из стеблей огромных лопухов вырезали трубки и пуляли через них бузиной друг в друга, а иногда и в прохожих, идущих мимо кладбищенской изгороди, и быстро скрывались в зарослях репейника. Домой приходили все в репьях, и мамы долго еще выдирали из одежды и вычесывали из наших голов этот репейник, а иногда даже выстригали его.

В этом соборе регентом (руководителем

церковного хора) был папин приятель, дядя Коля. При встрече они разговаривали о музыке, тот показывал папе какие-то ноты – тогда я запомнил часто звучащие фамилии Бортнянского, Березовского, которые, как я узнал много позже, были создателями классического русского хорового концерта.

Воспоминания воспоминаниями, а что делать сейчас с крещением? В довершение всего, как говорится, до кучи, меня, как концертмейстера, занимают в шефском концерте для солдат в Доме офицеров, который состоится 7 ноября в 12.00!

На мои просьбы к Вале договориться на другое время получаю отказ: и так священник согласился специально прийти для крещения, когда церковь не работала, и была пуста – меньше лишних глаз. Ну, а само крещение займет наверняка не больше часа, и я вполне успею на концерт. На том и порешили.

7 ноября, когда вся страна «единым дыхом», как сказал советский классик, собиралась на парады и демонстрации, я со своей Ключевой, Валя с ребенком на руках из центра города добирались до церкви на Зареке. Я благополучно, хотя городской транспорт уже не ходил, пришел за полчаса до назначенного времени. Дороги в центральной части

города, где жила Валя, в такой день перекрывались военными и милицией из-за военного парада, и ей пришлось окольными путями, с уговорами постовых, попадать на Зареку. Она, естественно, опоздала почти на полчаса. Я к этому времени порядочно замерз, но надеялся отогреться внутри церкви. На наш стук дверь отворилась, и мы прошли внутрь. Там оказалось даже холоднее, чем на улице – церковь не отапливалась. В правом приделе горели только две тусклые лампочки, и вокруг темнота! Молодой священник был один, он поставил нас перед купелью, взял какой-то толстый фолиант и начал службу. Говорил он тихо, без выраженья, но постепенно вошел в роль, голос его окреп, появились различные интонации, он стал помахивать кадилом с благовониями, и даже показалось, что вокруг стало светлее. Но он говорил, говорил, держа в руках молитвенник, а время шло, шло... Я стал нервничать, украдкой глянул на часы – 11.15. Если он не закончит через пятнадцать минут, я опоздаю на концерт, который без меня невозможен! Мне передают Сеню, который мирно спит и ему наплевать на наши волнения. Тут уже заскрипел зубами я. Но не могу же я все это бросить и убежать, тем более, что на моих руках ребенок, причем, совершенно буквально на руках! Еще через несколько ми-

нут священник невозмутимо просит раздеть ребенка! Я попытался что-то промычать, но под его взглядом замолк. Валя помогает, и мы передаем Сему, который широко открыл глаза и молчит, священнику! Тот как-то ловко ставит Сему в купель, слегка наполненную холодной водой, быстро окатывает его из ковшика и передает Вале. Все! Валя, одевая ребенка, спрашивает сколько нужно заплатить. Священник просит положить в коробку, стоящую на столе, «сколько можете», и уходит.

Извинившись перед Валею, схватив портфель с нотами, я выскочил из церкви и побежал в сторону центра города, понимая, что все равно к 12 часам не успею. К счастью, на перекрестке улиц Урицкого и «Правды» увидел стоящий «козлик» Военной автоинспекции, на котором молодые военные, войдя в мое положение, лихо доставили меня прямо под колонны Дома офицеров. К счастью, концерт задерживался из-за того, что еще не всех перемёрзших солдатиков собрали из оцепления, и те, кто уже был в зале, могли еще немного поспать, пока мы их не разбудили ненужным им представлением. За кулисами меня встретила Тамара Александровна Хумпи – давняя знакомая моих родителей, участница Хора ветеранов, предложившая

директору Дома офицеров Гольденбергу Леониду Львовичу, если я дальше задержусь, разучить пока с солдатами какую-нибудь революционную песню. Она всю жизнь пела в самодеятельности и владела аккордеоном, баяном, фортепиано, а комсомольского задора ей было не занимать – старая закалка. Но все обошлось, я промямлил что-то про посты, блокировку дорог и еще про что-то, чего сам не понял. Концерт прошел, как обычно в подобных случаях: на сцене было весело, а половина зала сладко спала в ожидании обеда. После последнего нашего номера – фрагмента из оперетты «Сильва», – из зала, гремя медалями, под аплодисменты на сцену поднялся хор ветеранов под управлением Льва Ароновича Клаза. Они громко с большим воодушевлением спели две песни: «Поклонимся великим тем годам», Александры Пахмутовой на стихи Михаила Львова и «Есть у Революции начало, нет у Революции конца!», Вано Мурадели (причисленный в 1948 году к композиторам-формалистам) на стихи Юрия Каменецкого. Вот на такой высокой ноте завершился концерт, посвященный (для меня) крещению Семы Нестерова. Уходя я подумал, действительно: «Есть у Революции начало, но нет на Революцию конца».

Поцелуи судьбы

Здравствуйте, Димочка!

*Снова пишу Вам и приглашаю Вас
на второй Мелтон.*

Мы учимся с 4.05 и до 29.07.

*Напишите мне, пожалуйста, можете ли
Вы приехать?*

С уважением,

*Координатор программы Мелтон:
Мириам Кайданова.*

Я ждал этого приглашения, но до конца мало верил, что это произойдет!

В 2003 году я уже прошел полный курс на программе Центра еврейского образования Мелтон на базе Еврейского университета в Иерусалиме, предназначенной для повышения квалификации преподавателей и руководителей общин в диаспоре, занимающихся еврейским образованием. И вот меня приглашают второй раз – случай исключительный! Программа, имеющая различные формы, названа по имени Самюэля Менделя Мелтона – благотворителя, финансирующего эту программу. Результатом должна стать написанная работа, которую можно будет исполь-

зовать в образовательных целях. На первой программе я написал эссе «Еврейская доминанта Дмитрия Шостаковича» об обращении великого русского композитора к еврейской теме в своем творчестве, издал его книгой и получил на нее хорошие отзывы. И вот теперь через 5 лет...

Наша группа из девяти человек разместилась в одном из новых корпусов студенческого городка в двадцати минутах ходьбы до кампуса университета на горе Скопус, где мы и учились (другой кампус находится в Гиват-Рама, в другой части Иерусалима). Лекции по истории, литературе, традиции, агаде, Танаху, Галахе, Холокосту читали известные специалисты – преподаватели университета. Также ежедневно шли уроки иврита. Кроме того, каждая среда была посвящена экскурсиям по Израилю – незабываемые путешествия, обогатившие нас знанием истории и современной жизни этой маленькой великой страны. Всё вместе это давало возможность погрузиться в атмосферу еврейства, почувствовать себя частью древнейшей истории, вспомнить на каком-то необъяснимом уровне свои корни, питающие наш народ на протяжении тысячелетий. Университет расположен на возвышенности, и из

его окон открывается панорама Иерусалима. Однажды шли очередные занятия, когда вдруг издалека послышался звук сирены. Преподаватель прервал фразу, молча встал, опустив глаза. Инстинктивно поднялись и мы, первоначально даже не поняв в чем дело. Через окна было видно, как на дорогах останавливался транспорт, из него выходили люди, и стояли рядом, не общаясь друг с другом. Жизнь остановилась. Через две минуты сирена стихла, всё вернулось «на круги своя», преподаватель продолжил занятие, договорив фразу, которую не закончил...

*ЙОМ на-ШОА – День Памяти жертв
Холокоста*

ПАМЯТЬ. ПАТРИОТИЗМ.

Вот так – без слов, без плакатов, без призывов к чему-то, или против чего-то.

Мне надо было решить вопрос о теме своей новой работы. Времени было мало – всего три месяца. В прошлый раз это было девять: три в Иерусалиме, три дома и еще три в Иерусалиме. Собирая материалы для книги о Шостаковиче, я обратил внимание на твор-

чество Евтушенко, на его постоянное обращение к еврейской теме. Его «Бабий яр», глава из «Братской ГЭС» «Инспектор света» – это общеизвестно, но, оказалось, что всё гораздо глубже. Для него еврейская тема – это обостренное чувство к несправедливому отношению к целому народу, протест против попрания человеческого достоинства. На протяжении всей своей жизни Евтушенко не замыкался в «башне из слоновой кости», а всегда был в гуще событий, активный участник, а не наблюдатель со стороны жизни страны, ее созидатель. Об этом говорит все его творчество, и не только поэтическое. Это «Не могу молчать» заставляло его писать письма правителям, выступать с любых трибун против тирании, грубой силы, ущемления прав человека. Когда в 1968 году советские танки вошли в Прагу, он откликнулся стихотворением «Танки идут по Праге», ходившему тогда по рукам:

ТАНКИ ИДУТ ПО ПРАГЕ

Танки идут по Праге
в закатной крови рассвета.
Танки идут по правде,
которая не газета.

Танки идут по соблазнам
жить не во власти штампов.
Танки идут по солдатам,
сидящим внутри этих танков.

Боже мой, как это гнусно!
Боже – какое паденье!
Танки по Яну Гусу.
Пушкину и Петефи.

Страх – это хамства основа.
Охотнорядские хари,
Вы – это помесь Ноздрева
и человека в футляре.

Совесь и честь вы попрали.
Чудищем едет брюхастым
в танках-футлярах по Праге
страх, бронированный хамством.

Что разбираться в мотивах
моторизованной плетки?
Чуешь, наивный Манилов,
хватку Ноздрева на глотке?

Танки идут по склепам,
по тем, что еще не родились.

Четки чиновничьих скрепок
в гусеницы превратились.

Разве я враг России?
Разве я не счастливым
в танки другие, родные,
тыкался носом сопливым?

Чем же мне жить, как прежде,
если, как будто рубанки,
танки идут по надежде,
что это – родные танки?

Прежде чем я подохну,
Как – мне не важно – прозван,
я обращаюсь к потомку
только с единственной просьбой.

Пусть надо мной – без рыданий
просто напишут, по правде:
«Русский писатель. Раздавлен
русскими танками в Праге».

23 августа 1968

Стихотворение стало известно «кому надо». Евтушенко вспоминал, что после этого его ожидали «бесконечная промывка

мозгов», запрет выступлений, уничтожение матрицы готовившейся к печати книги, запрещен выезд за рубеж. Было прекращено производство художественного фильма режиссера Эльдара Рязанова по пьесе Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак» с Евтушенко в главной роли. Опасаясь ареста, Евтушенко вместе с женой Галиной сожгли имевшуюся у них запрещенную литературу.

25 августа 1968 года в 12 часов на Красной площади у Лобного места восемь демонстрантов – Константин Бабицкий, Татьяна Баева, Лариса Богораз, Наталья Горбаневская, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Павел Литвинов, Виктор Файнберг развернули плакаты против ввода советских войск в Чехословакию: «Руки прочь от ЧССР!», «Позор оккупантам!», «За вашу и нашу свободу!». Результат: их избили, арестовали, и дальше – психлечебницы, тюрьмы, ссылки. Но был и другой результат: это было крушение идеи «социализма с человеческим лицом», в СССР усилилось движение за свободу слова, передвижения, свободу печати, творчества, которое, в конце концов, и привело к развалу советской империи.

В марте 1997 года Евгений Евтушенко прилетел в Израиль, чтобы принять участие

в исполнении Израильским Филармоническим оркестром 13-й симфонии «Бабий Яр» Дмитрия Шостаковича. Уже в аэропорту он узнал, что на границе с Иорданией, с которой Израилем был подписан мирный договор, террорист застрелил семь израильских девочек, в ходе их туристической поездки. Евтушенко сразу же написал стихотворение «Семисвечник», которое прочитал на первом же своем выступлении в Хайфе. Он плакал.

Руководителем моего проекта стала Нина Сегал-Рудник, преподаватель (ныне профессор) кафедры русских и славянских исследований гуманитарного факультета Еврейского Университета. Для меня это был еще один поцелуй судьбы. Она смогла предложить наиболее эффективный формат нашего сотрудничества, и я считаю ее соавтором нашей совместной творческой работы. Начались поиски материала, его компоновка, придание ему нужной формы, которая тоже не сразу была найдена. Нине удалось как-то систематизировать мои беспорядочно собранные материалы, придать им приемлемую для книги форму. Когда работа была уже почти закончена, Нина взяла ее домой для правки. Придя на нашу очередную встречу, она рассказала, что ее муж, Димитрий Сегал, доктор

философии, профессор, один из основателей русской школы структурного и семиотического литературоведения, основатель отделения славянских исследований Еврейского университета в Иерусалиме, один из ведущих исследователей творчества Осипа Мандельштама, увидев на столе лежащие листы готовой книги «От Станции Зима к Бабьему Яру», прочитал и сказал, что надо ее срочно печатать. Нина добавила, что Димитрий давно уже чужих книг не читает, а тут вдруг!..

Во время моего пребывания в Израиле меня разыскала Полина, женщина, с которой я познакомился на семинаре в Петербурге в сентябре 1995 года. При регистрации в гостинице мы случайно обнаружили, что родились в один день, 16 августа, но она на три года моложе. Она из Молдавии, первый раз в Петербурге. Когда выдался перерыв в два часа, я показал ей небольшую часть города – и все знакомство. Но она попросила прислать валеночки и что-нибудь тепленькое для своей внучки, так как в Бельцах, где она живет, бывает холодно, а в Петрозаводске тогда была валеная фабрика. Я с удовольствием исполнил ее просьбу. И вот через несколько лет, уже находясь в Израиле, она разыскала меня, и мы договорились встретиться в один

из шабатов, когда я был свободен. В Нетании Полина меня встретила на автобусной станции, и мы пешком пошли к ней домой. По дороге ей кто-то позвонил, в разговоре она сказала, что у нее гость Дима. И вдруг я услышал:

– Это тот, который прислал валеночки твоей внучке?

Я был, конечно, удивлен. Но уже у самого дома другая женщина, как-то многозначительно поздоровалась с Полиной, но когда та назвала мое имя, с почтением спросила:

– Это *тот* Дима?

Разве я мог подумать, что такой пустяк станет таким значимым событием в ее жизни! Оказалось, что в Нетании большая диаспора из Бельц, и Полина у них как «мать Тереза» – в течение дня ей все время звонили и спрашивали совета по разным делам. Полина познакомила меня с сыном-врачом, который сказал, что он из рода левитов; с внучкой Цветалиной (Цилей), крупной девушкой, занимающейся дзюдо и выступающей уже на престижных соревнованиях. А вечером мы пошли в какой-то небольшой русский ресторанчик на празднование дня рождения знакомой Полины, в котором выступал арабский маг. Он показывал всяческие фо-

кусы со змеей, глотал горящий факел, шпагу, которую давал потрогать почтенной публике, чтобы та убедилась, что она настоящая и которой, когда вытащил ее обратно, эффектно отбил горлышко у бутылки, стоящей на соседнем столике, а затем картинно воткнул в пол. Потом расстелил на пол брезент и предложил пустые бутылки со столов разбить, лег на эти битые осколки, на него положили деревянный настил, и присутствующих пригласили потанцевать на нем! Расстались мы с Полиной большими друзьями и потом долго переписывались.

Впервые с Евгением Евтушенко я встретился в 1978 году, когда наш Музыкальный театр был на гастролях в Калуге. Там в это время снимался фильм «Взлет» про Константина Циолковского с Евгением Евтушенко в главной роли. Интересно было наблюдать, как Евтушенко ходил по гостинице «Калуга», где жили и мы, в полном гриме с фотоаппаратом на шее (тогда он увлекался фотографией, организовывал выставки) – съемочная группа ждала погоду. Перед гостиницей стояла его белая «Волга», и он с какой-то красивой женщиной время от времени уезжал куда-то, порой на несколько дней. (Очевидно, с Джен Батлер (Jan Butler), ирландкой, поклонницей Евтушенко, ставшей его женой, подарившей

ему двух сыновей – Александра и Антона. Александр в последствие был режиссером и продюсером на Радио ВВС (БиБиСи).

Тогда я не мог предположить, что позже, в 2008 году, напишу и издам книгу о нем. На одной из встреч со студентами Петро-заводского университета Евтушенко читал никому не понятные стихи из книги «Моя футболиада» (1969 – 2009) о советских футболистах того времени, которых никто их сидящих в зале не знал. Читал он хорошо, вдохновенно, очевидно, вспоминая время своего увлечения футболом. Но для молодой публики эти имена ничего не говорили. Его мало кто слушал. Оживились только тогда, когда он попросил задавать ему вопросы. И первый, прозвучавший вопрос был, как он относится к книге Дмитрия Цвибеля «От Станции Зима к Бабьему Яру». Он подумал и ответил:

– Очень трогательная книга.

(Накануне его теща приобрела пять экземпляров этой книги.)

Тогда же его спросили, какое единственное свое стихотворение он выбрал бы, как лучшее. Он очень просто, без всякой позы, сказал:

– Иосиф Бродский меня вообще не считал поэтом, заявив, что у меня есть только одно

стихотворение – «И`дут белые снеги...». Вот, наверное, его бы я и выбрал. (Работая над этой книгой, я написал на текст «И`дут белые снеги...» песню.)

После выступления Евтушенко сидел в фойе, и к нему образовалась длинная очередь за автографом. Он терпеливо у каждого спрашивал, кто он, чем занимается, обязательно узнавал имя и фамилию, чтобы автограф не был безымянным. Все протягивали на подпись его книги. Я оказался последним в конце, казалось, этой бесконечной очереди. Подал свою книгу «От Станции Зима к Бабьему Яру». Евтушенко внимательно посмотрел на меня, я представился. Он извинился, что очень устал и не может уделить мне времени для разговора – завтра он уезжает, пообещав в следующий свой приезд в Карелию встретиться.

Дело в том, что Евтушенко женился на петрозаводчанке Марии Новиковой и часто бывал в Петрозаводске. В 2008 году в Петрозаводске вышел объемный сборник подборки его стихов «Карелия мне подарила Машу...» (а Маша подарила ему двух сыновей – Евгения и Дмитрия). Его называли «Карельский зять».

«Карелия мне подарила Машу...»

Карелия мне подарила Машу,
похожую на парусную мачту,
летающую над вспененной водой,
и оказалось вдруг –
я молодой.

И я поверил ей,
ее не зная,
и вдруг она сумела мне помочь.
Жена ли мне она?
Она – родная,
как первая дарованная дочь.

1988

На выход книги «От Станции Зима к Ба-
бьему Яру» откликнулся его давний друг, ка-
рельский поэт Марат Тарасов:

*Моему старому другу после
прочтения книги о нем
«От Станции Зима к Бабьему Яру»*

От станции Зима
С поэзией на пару
Ты шел, сходя с ума,
Не к Бабьему ли Яру.

Тебя ли одного
То подсекло под корень,
Что мир вокруг него
Был дьявольски спокоен.

А нужно в этот миг
Совсем не для блезирю
Завыть бы на весь мир
Всем вопленицам мира!

От сотен городов
Посланцев разных флагов
Ты выполнил свой долг,
Мильоны жертв оплакав.

13.11.08

Марат Тарасов

Книга «От Станции Зима к Бабьему Яру» достаточно быстро разошлась, она есть в библиотеке Стэнфордского университета, одном из самых авторитетных и рейтинговых университетов в мире. В Википедии в статье о Евтушенко указана в разделе литературы о нем. Мой друг, Юрий Дмитриев, исследователь государственных преступлений СССР по отношению к своим гражданам, поехав в Киев, возложил, по моей просьбе, книгу вместе с землей Израиля к подножью памятника в Бабьем яру.

Помимо множества наград и званий, номинации на Нобелевскую премию по литературе, Евтушенко удостоен звания Почетный гражданин Республики Карелия – «за выдающиеся творческие достижения и большой вклад в развитие отечественной и мировой литературы, а также за цикл лирических стихотворений, посвященных Карелии, и активную культурно-просветительскую работу в ходе встреч с населением и проведении многочисленных поэтических вечеров в городах республики». На вручении этого звания я встретился с Евтушенко последний раз, поблагодарив судьбу за то, что в моей жизни был русский поэт-гражданин Евгений Александрович Евтушенко.

Октябрь 2025

Картинки для Мусоргского

*Мама с Ростроповичем, папа с Бетховен-
ном, дочь с Рихтером
(Околomuзыкальная история)*

Про маму. 1973

В июньские дни, когда в Карелии царствуют белые ночи, в Петрозаводске дает концерт великий маэстро Мстислав Ростропович! Зал Финского театра просто набит желающими его услышать. Но концерт не начинается! Несмотря на то, что один вождь похвалил русский народ за терпение, но всему же есть свой предел. Уже начал подниматься ропот. И в этот критический момент на сцену не выходит, не выбегает, а вылетает улыбающийся Ростропович, извиняется перед почтенной публикой: он был в Кижях, и в Петрозаводск «Комета» пришла с опозданием. Хватает свою бесценную виолончель и... Тут начинается чудо, чудо великого искусства!

После концерта, бесконечных аплодисментов и автографов вокруг Ростроповича остается небольшая группа знакомых и полужнакомых ему людей, которые выходят из театра на улицу. Среди них композитор

Петр Козинский с женой Женей и ее сестрой Мартой – моей женой. Петр Козинский, каким-то образом знакомый с Ростроповичем, вдруг приглашает всех к себе домой на ужин. Женщины оставили мужчин, разбежались, кто домой, кто в магазины, чтобы было что поставить на стол, и когда все вновь собрались в квартире Петра Козинского стол ломился от яств. Да не простой стол, а уставленный фамильным серебром и хрусталем, доставшимся Козинскому от предков-дворян по наследству, и которые, наверное, до сих пор и не выставлялись. Ростропович сразу завил, что все формальности остались за порогом, что для друзей он Слава и на «ты». Он с удовольствием попивал ледяную «Столичную», нахваливал всю еду, а особенно рассыпчатую картошку и жареную щуку от моей мамы, которую Марта успела принести. Слава рассказывал о своей жене Гале, о дочках, которых очень любил, но редко видел – он оказался великолепным рассказчиком с искрометным чувством юмора. Было много шуток, смеха и разговоров о жизни, искусстве, любви. Вскоре он всех уже обнимал и целовал. По просьбе хозяина дома на обоях комнаты он оставил свой размашистый автограф. У Марты была с собой книга «Детская ортопедия», по которой она готови-

ла доклад к очередной конференции. Слава раскрыл книгу на первой попавшейся странице, где было написано про детскую патологию – «конскую стопу», обвёл это название кружочком в тексте и подписал: «Конская стопа, которая нигде не используется, а вот конский волос у меня в смычке. Марточке от преданного Славы. 1973год».

Около трех часов ночи, когда солнце уже начинало подниматься над зеркальной гладью вод Онежского озера, Ростропович полетел в общежитие консерватории, куда его пригласили студенты на картошку с водочкой и селедочкой, унося с собой нашу к нему любовь и старинный хрустальный штоф под водочку, подаренный Петром Козинским.

Ну, что можно на это сказать? Слава Ростропович... Слава Ростроповичу!

Про папу. 1979

На Карельском телевидении ставился телеспектакль по повести Федора Трофимова «На каменистом поле в Педасельге». Режиссер-постановщик Юрий Хорош попросил меня написать песню на текст московской поэтессы Татьяны Волобаевой, которая звучала бы в спектакле от имени главного героя. Я написал, принес показать. После трех про-

слушиваний Юрий Львович, которому музыка очень понравилась, решил использовать ее для музыкального оформления всего двухсерийного спектакля, попросив сделать оркестровку и дописать несколько эпизодов. Я дописал, а оркестровку по моей просьбе сделал композитор Марк Самойлов, приехавший в Петрозаводск на постановку очередного своего спектакля в нашем театре. Я принес ноты Эдварду Чивжелю, художественному руководителю и главному дирижеру Симфонического оркестра Комитета по телевидению и радиовещанию Карельской АССР, для записи фонограммы. Репетиция уже заканчивалась. Он быстро просмотрел партитуру и объявил артистам оркестра:

– Завтра у нас Бетховен и Цвибель.

Кто-то из музыкантов хмыкнул. Но завтра уже в расписании работы оркестра моя фамилия красовалась рядом с фамилией Бетховена – хороший тандем! Причем первым был Цвибель, а потом какой-то там Бетховен. Вот так.

Про дочь. 1984

Я был с театром на гастролях в Ярославле, и ко мне приехала жена с дочерью. В филармонии объявлен концерт Святослава Рих-

тера. Как только я об этом узнал, бросился в филармонию – боялся, что билетов не хватит. Уже издалека была видна длинная очередь, не помещавшаяся внутри здания. Я почти без надежды встал в конце. Меня приятно удивило большое количество молодежи. Но когда я, наконец, попал в помещение, все объяснилось – молодежь стояла за билетами на группу «Веселые ребята», а касса была одна. Концерт был назначен на 19.00. Полный зал зрителей, жарко. 19.15 – концерт не начинается. 19.20, 19.30. Директор филармонии дважды выходил на сцену, извинялся перед публикой и предлагал погулять на улице, не объясняя причину задержки. В итоге концерт начался через полтора часа. Рихтер вышел на сцену в сопровождении девушки, которая переворачивала ему ноты. Как только он сел за рояль, весь свет на сцене и в зале выключили, оставив узкий луч, направленный на пюпитр, который не освещал даже клавиатуру, и сразу же заиграл. Исполнял он Вторую сонату Кароля Шимановского – очень сложное, редко исполняемое произведение. По окончании концерта на сцену, очень волнуясь, вышла моя одиннадцатилетняя дочь Наташенька и вручила Рихтеру букет гладиолусов. Он сказал «спасибо», она

робко ответила «пожалуйста», и они, довольные собой, разошлись. Встретились через полчаса в гостинице перед дверями своих номеров, которые оказались рядом, и улыбнулись друг другу, уже как старые знакомые.

Визит к врачу

Накануне моего юбилея моя жена, врач 5-ой поликлиники, решила, что мне пора пройти медицинское обследование и проверить здоровье. Она с кем-то договорилась и дала направление в кабинет № 342, объяснив, что он находится на третьем этаже и что там работает симпатичная сестричка Машенька, которая мне должна понравиться. Это был неотразимый аргумент, который заставит меня пойти к врачу.

– Машенька выйдет и вызовет тебя, чтобы тебе не сидеть в очереди.

К обозначенному в направлении времени я нашел кабинет № 342, который оказался в небольшом обособленном коридорчике. Надо сказать, что поликлиника № 5 устроена так, что найти нужный кабинет довольно сложно – какие-то лабиринты, переходы, перекрытые проходы, лестницы – в общем, как всегда, все для людей. Ищущих.

– Кто последний?

Вся очередь, сидящая вдоль стены, обернулась, как-то подозрительно посмотрела на меня:

– Вообще-то я, – не очень уверенно сказала женщина, и мне показалось, что она хотела еще что-то добавить, но передумала.

Я сел напротив. Мне бросилось в глаза, что очередь состояла из одних женщин, из чего сделал вывод, что женщины у нас болеют чаще мужчин, наверное, потому, что жизнь у них не сладкая – работают наравне с мужчинами, плюс дети и домашние заботы. И порадовался за свой жребий. Недаром евреи утром говорят благословение: «Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь вселенной, за то, что Ты не создал меня женщиной». Стал рассматривать настенные плакаты. Там красовались женщины в разрезе, ну, прямо, как в мясной лавке. Мне стало неприятно.

Вошла очередная молодая пациентка:

– Кто последний, – обратилась она к очереди, как будто меня там и не было.

– Я последний, – с некоторым вызовом отозвался я.

Женщина как-то странно на меня посмотрела, молча села напротив, удлинив и без того приличную очередь. Все молчали. Я почувствовал какую-то неловкость. Скорее бы уже вышла сестричка Машенька! Действительно, скоро дверь кабинета № 342 открылась и появилась сестричка. Может быть, она и была когда-то Машенькой, но очень давно. Сейчас – это пожилая опрятная женщина, с низким голосом, которая вызвала совсем не

меня. Минут через 15 она вновь появилась, выпуская пациентку из кабинета и называя очередную фамилию, опять не мою. Увидав мой ожидающий взгляд, она спросила:

– Вы пришли с кем-то!

– Нет, я уже большой, пришел один.

– Да я вижу, что Вы большой. Покажите, пожалуйста, ваше направление.

Она прочитала направление и попросила меня пройти в регистратуру и уточнить номер кабинета.

Я вышел на лестничную клетку и позвонил жене:

– Ты куда меня направила? Тут очередь на два часа! И где твоя Машенька?

– Ты у какого кабинета ждешь?

– У 342-го! У меня еще не такой склероз, в цифрах разбираюсь.

– И что написано на двери кабинета?

– Врач–маммолог Геворкян Марина Петровна.

– Какой маммолог!!? У тебя есть голова на плечах?

– Да, я на нее кепку надеваю.

– Вообще-то ей думают.

– Кепкой?

– Да-а... Я точно тебя не к тому врачу направила. Иди домой, завтра разберемся.

Я вышел из поликлиники, пошел на остановку. Звонок.

– Я позвонила Машеньке – никакой очереди нет, они тебя ждут... Постой, ты в какой поликлинике?

– Как «в какой?» В пятой!

– А номерок у тебя в четвертую, рядом с домом!

Вечером в Интернете я посмотрел, кто такой врач-маммолог.

Интересно, к какому врачу я пойду в следующий раз?

Рыжий бандит

Мы жили на пятом этаже хрущеватого дома – это не совсем хрущевка, а следующая серия этого проекта, улучшенная. Несмотря на улучшения, она сохранила все достоинства предшественника: с потолка текло, между панелями гулял ветер, некуда было поставить коляску, велосипед, лыжи и даже стиральную машину – она стояла в прихожей, и каждый раз для стирки ее надо было перетаскивать в ванную. Но мы, советские люди, были, в общем, довольны и этим. Хотелось бы, конечно, еще и телефон, но грех жаловаться, мы его получили всего через 19 лет. Зато у нас был балкон, который и помогал переносить некоторые неудобства планировки. Была у нас кошка Пуся, немного гуляющая. Пришла она к нам сама: как-то, выходя из квартиры, я чуть не наступил на кошку, устроившуюся на придверном коврикe и выразительно смотрящую на меня. Выгонять ее я не стал и пошел на работу. Вернувшись, обнаружил пополнение – еще три маленьких, только что родившихся котенка! Напоил ее водой, оставил какую-то еды – она была очень тощая. Так и жили приблизительно неделю. Домой мы ее не пускали. Котята росли, мы стали это семейство пускать кушать на кухню.

Потом котят раздали, а киса прописалась у нас и стала Пусей – так назвала ее дочь Наташенька, сказав, что это же Пусенька. Она гуляла, но приходила каждый раз домой. Через пару месяцев она заметно поправилась, и мы радовались, но недолго: ее полнота была неспроста – она опять решила рожать. На этот раз родила троих рыженьких и одного черного:

– Такие хорошенькие, – так я сказал, вернувшейся после ночного дежурства, жене Марте (кстати, или не совсем кстати, это происходило в марте месяце).

– Просто здорово, но что мы будем делать с этими «хорошенькими»? – это Марта задала мне этот экзистенциальный вопрос.

Действительно, что?

Через два дня у нашей двери я обнаружил папашу – рыжего огромного кота, которого все знали в нашем микрорайоне и звали Рыжий бандит, очевидно за его немного свирепый вид. Когда я вышел из дверей, он сказал:

– М-рр, м-рр, – и потёрся о мои ноги, очевидно, признав во мне свекра, и я растаял!

Так приходил он несколько раз, но домой мы его не пускали. С котятами мы решили вопрос почти безболезненно для всех сторон. Так прошло некоторое время. Время прошло,

зато пришла весна с солнышком и теплыми днями. Однажды прихожу домой и получаю взбучку от жены:

– Мы же договорились не пускать этого бандита в дом! Тебе еще мало котят?

– Да ты что?.. Не пускал я в дом никого, и Рыжего тоже.

– Наверное, дал ему ключи от квартиры, и он сам зашел?! Я прихожу, а они в обнимку на моей кровати балдеют на солнышке. Картина маслом!..

– Ну, маслом или без масла, а не пускал я его. Может быть, он незаметно проскочил, когда я уходил, и не заметил его?

Ладно, оба успокоились.

Через пару дней подходя к дому, наблюдаю «сцену на балконе» почти по Шекспиру:

В корзине, висящей на стене и делящей балкон на две половины, вальяжно развалился Рыжий, свесив из нее свой роскошный хвост. Внизу, неотрывно глядя на него влюбленными глазами, сидит наша любимая Пуленька.

Как тут не умилиться! Но Марте я не рассказал об этом.

А через несколько дней мы возвращаемся вместе из магазина, и Марта толкает меня в бок, показывая на крышу дома:

– Смотри!

По краю крыши идет Рыжий бандит. Доходит до нашего балкона, прыгает в ту самую корзину, оттуда на нашу половину балкона и не торопясь в комнату к своей милой!

– Я бы так не догадался, – позавидовал его сообразительности я, – ведь попасть на крышу можно только из первого подъезда (а наш подъезд третий), где на лестничной клетке пятого этажа есть железная лестница, ведущая вверх. И она совершенно отвесная с тонкими перекладинами и приставлена к стене! Ну, Рыжий!!!

Медовый месяц продолжался недолго. Мы Рыжего принимали, когда были дома, кормили и провожали – встречались они где-то на стороне. Однажды на балконе раздался какой-то скрежет и внизу женский крик. Марта выскочила на балкон. Женщина указала на Пусеньку, лежащую на земле. Очевидно, она прыгнула за птичкой, или мухой, или хотела перейти на соседний балкон и не рассчитала. Марта сбежала вниз. Пуся лежала, не двигаясь, из ноздрей текла струйка крови. Непонятно, откуда появился Рыжий. Он подошел, обнюхал ее, обошел вокруг... пописал на нее и ушел.

Пусеньку Марта выходила, и она принесла нам много радости и еще больше ма-а-леньких котятков. Рыжего мы искали месяца два, и всех просили, если найдут, привести к нам, но тщетно – он исчез. Но еще долго по нашему микрорайону бегали разных возрастов рыжие кошки – живая память о нашем «родственнике» – Рыжем бандите.

Обошлись без Шопена

Юрий Израилевич тихо умирал. Мы с его сыном Игорем пришли его навестить. Он лежал, выглядел совсем неплохо, рад был нам, острил, как всегда. И вдруг говорит:

– Дима, я хочу, чтобы на моих похоронах играли две красивые девушки на скрипках. И никакого Шопена. Вот так!

Мы стали говорить... как обычно пустые слова.

– Да я все понимаю, не маленький, – произнес он это как-то спокойно, умиротворенно, и нам стало хорошо и даже весело.

– Ладно, Юрий Израилевич, исполним.

– Нет, я не шучу, прошу сделать так, как прошу.

– Хорошо, хорошо. Ваше дело умереть, а наше дело найти красивых девушек для Вас.

Я пошел в консерваторию, нашел самую красивую скрипачку, объяснил ей задачу и...

Картинка: на прощании перед выносом в траурном зале на улице Вольной вдруг появляются две миловидные девушки со скрипочками и пюпитрами, ставят ноты, настраивают инструменты и играют берущую за душу музыку из фильма «Список Шиндлера». Присутствующие обомлели. Мне даже пока-

залось, что и Юрий Израилевич улыбнулся!

Прошел всего год, и мы открывали новое помещение Еврейского общинного центра, который должен был называться «Петрозаводский общинный центр», но слово «Петрозаводский» заменили, так как аббревиатура получалась... Да, да!.. Надо было что-то придумать на открытие, и я пригласил тех же милovidных девушек из консерватории. Когда они спросили, что играть, я предложил сыграть то же самое, только в полтора раза быстрее и повторить два раза. А если смогут, то второй раз на полтона выше и повеселее. Смогли! Успех превзошел мои скромные ожидания! Я предложил им сыграть это на выпускных экзаменах в консерватории в двух вариантах. Вряд ли исполнили, но идея, как мне кажется, неплохая.

Рояль и скрипка

Для участия в концерте, который устраивала наш община, чтобы договориться, мне нужно было найти в консерватории Евгения Терехова. Я его не знал. На вахте мне сказали, что он репетирует с камерным оркестром в малом зале. Я поднялся, тихо вошел на паузе. Недалеко от входа на крайнем сидении ряда сидела студенточка с партитурой на коленках и аккуратно водила пальчиком по страницам, следя за исполняемой музыкой. Она вся была такая чистенькая, опрятненькая, ладненькая, что так и хотелось поставить какую-нибудь кляксу.

Объявили перерыв, музыканты разошлись по сцене. Я подошел к девушке:

– Скажите, пожалуйста, кто из них Женя Терехов?

Она удивленно посмотрела на меня:

– Евгений Александрович?

– Ну, наверное.

– Вот он стоит в белой рубашке у рояля, – произнесла она с глубоким почтением.

– Это вот с такой деревяшечкой в руке?

– С какой «деревяшечкой»?! – она даже приподнялась от избытка чувств, а ее и без того огромные глаза стали расширяться. –

Это же скрипка!!! Вы что, никогда не видели скрипки?!

– Нет. Я пианист, – и, оставив ее в полуобморочном состоянии, я направился к эстраде...

Года через четыре я пошел на концерт студентов консерватории – они обыгрывали программы перед государственными экзаменами. Я узнал эту девушку. Она оказалась скрипачкой и стала еще прекраснее, а во время игры вообще уносила куда-то ввысь, и так хотелось устремиться туда за ней и не торопиться возвращаться. Я не удержался и подошел к ней после концерта за кулисы. Извинился, представился, сказал несколько слов, высоко оценив ее выступление.

И в заключение:

– Никогда не думал, что можно так выразительно играть на такой маленькой деревяшечке!

Девушка ойкнула:

– Так это Вы!? Тогда я не сразу поняла вашей шутки, – и весело рассмеялась. – Я несколько раз рассказывала об этом случае, и однажды мой педагог сказал, что так разыграть мог только один человек в Петрозаводске, – она понизила голос и неуверенно, как

бы извиняясь, произнесла, – Дима Цвибель.
Это Вы?

– Ну, вот и познакомились! Обязательно
приду на ваш следующий концерт.

Четыре гения

Когда я учился на третьем курсе Музыкального училища, папа, работавший в училище концертмейстером, решил, что мне пора получать навыки концертмейстера, да и его немного разгрузить, – он работал на шести работах, – часть своей училищной нагрузки передать мне. Я стал аккомпанировать студентам: флейтисту, кларнетисту, контрабасисту, набирая репертуар и учась слушать не только себя, но и партнера – столь необходимое качество для концертмейстера. На одном из занятий контрабасист Юра Рубцов поставил мне на пюпитр ноты, попросив проаккомпанировать новое произведение – менуэт Баха. Мы договорились, что первую вольту не играем, сразу на вторую, а последнее проведение играем дважды. Начали играть. В середине он остановился:

– Что-то не строит.

Покрутил колками:

– Давай еще раз.

На этот раз я очень внимательно вчитывался в свою партию, стараясь сыграть все точно, его строчку почти не замечал. Доиграли до конца, все сошлось, но...

– Все равно в каких-то местах не строит!

– Да я не слышу. Это тебе, наверное, кажется, потому, что ты первый раз играешь

с аккомпанементом. Да тут еще класс маленький, все гудит.

– А ты знаки-то те играешь?

– Ну, два диеза, ре мажор, чего тут не понятно?

На том и расстались.

Через неделю опять встречаемся, доходим до менуэта Баха. Он опять ставит мне на пюпитр ноты. Вижу, что-то не то. Вроде, два диеза, ре мажор, но тот менуэт был на левой странице, а этот начинается на правой, потом на обороте. Я промолчал.

– Ну, давай. Помнишь? – первую вольту не играем, сразу на вторую, а последнее проведение играем дважды.

– Ну, да.

– Поехали!

Мы вместе вздохнули, глядя друг на друга, и заиграли. На этот раз как-то прошло все гладко.

И вдруг я понял, что в прошлый раз играл ему другой менуэт, тоже Баха и тоже в ре мажоре! Но сказать ему об этом не решился – засмеют потом всем училищем. Вместо этого:

– Ну, вот видишь, ты прислушался, да и я, наверное, не все ноты тогда играл, какие нужно – с листа, все же читал. Но ты молодец, у тебя хороший слух. Я, честно говоря, плохо слышу низкую тесситуру.

Но коронным номером у нас была ария Сусанина из «одноименной оперы Михаила Ивановича Глинки», как объявила ведущая на Государственном экзамене. (Одноименная опера у М.И. Глинки на самом деле называлась «Жизнь за царя».) Но это незначительная деталь, а главное – как мы ее исполнили. Юра слился со своим контрабасом, то лаская его, то грубо тиская, то отпуская от себя на приличное расстояние, то опять... исходя из текста. Я жал на педаль в конце музыкальных фраз, когда у Юры не хватало смычка. А сам контрабас воспринимался уже не как инструмент, а как сам живой Иван Сусанин в тулупе с удлиненной шеей, из которой Юра выдавливал чарующие звуки сусанинского баса. Становилось жалко и Сусанина, и царя, про которого забыли, и даже поляков, пошедших на Москву, не уточнив туда дороги, а в лесу навигатор не работает!

Когда мы закончили я обратил внимание, что женщина из экзаменационной комиссии даже постучала по столу карандашом – аплодировать на экзамене не разрешалось. Правда, существует и другое толкование ее поступка: она этим пыталась разбудить своего коллегу, сидящего рядом.

Наш дуэт похвалили, отметив слаженную ансамблевую игру. Меня заметил даже председатель экзаменационной комиссии композитор Абрам Исаевич Голланд, который кроме себя, вообще не признавал аккомпаниаторов, сказав, что на студента Цвибеля надо обратить внимание – из него даже может что-нибудь получиться. Он оказался прав: получилось то, что получилось.

Спустя 65 лет я вычитал в Интернете:

Мстислав Ростропович рассказывал о Шостаковиче такую историю:

«Второго августа 1959 года Шостакович вручил мне рукопись Первого концерта для виолончели. Шестого августа я сыграл ему концерт по памяти – трижды.

После первого раза он очень разволновался, и, понятно, мы выпили немножко водки.

Во второй раз я играл не совсем идеально, и потом мы опять выпили водки, уже побольше.

В третий раз, мне кажется, я играл концерт Сен-Санса, но он аккомпанировал мне по партитуре своего концерта. Мы были бесконечно счастливы».

Да, все гении похожи один на другого... Ну, кроме водки.

Однажды в городе Сумы

Наш Музыкальный театр приехал на гастрологи в Сумы. Город встретил нас песней Раймонда Паулса «Миллион алых роз» в исполнении Аллы Пугачевой. Эта песня в продолжение месяца звучала по всему городу с утра до вечера из всех окон и щелей. Она ему очень подходила – роз в городе было даже больше, чем пелось в песне. Небольшой уютный городок на берегу реки Псёл в месте впадения в нее реки Сумки, а притоки Сумки – Стрелка и Попадька, в городском парке играет духовой оркестр, а одной их достопримечательностью является скромный, трогательный дом-музей Чехова. По легенде при строительстве крепости на этом месте нашли три охотничьих сумы, полные золотом, что было расценено, как знак Благословения для основания города, и на знамени города появилась эмблема в виде трех сумок.

Рано утром, как обычно, я ушел из гостиницы на пробежку – у меня появились проблемы со здоровьем, и я регулярно занимался физическими упражнениями и по утрам бегал. Последнее время к этим пробежкам присоединилась моя коллега – концертмейстер театра Валентина Н. Так мы и побежали: Валя впереди, я – за ней.

– Во, мужик бабу догнать не может! Мужик, давай поможем! – это кричали доброжелатели, которые перед работой проводили церемонию «завтрак на траве».

Как написал Антон Павлович: «Кроме природы ничто не поражает меня так в Украине, как общее довольство, народное здоровье, высокая степень развития здешнего мужика, который и умён, и религиозен, и трезв, и нравственен, и всегда весел и сыт».

Мы благополучно пробежали свою дистанцию, вернулись в гостиницу. И тут я почувствовал, что не смогу пойти на работу, мне стало плохо. Я попросил Валу поработать за меня, но никого не пугать – у меня это пройдет. Она ушла. Мне становилось все хуже. Вызвал скорую. Приехали две симпатичные женщины, вкололи мне что-то и весело удалились. Их веселье мне не передалось. Через час снова вызвал скорую. Приехали другие милые женщины, которые тоже что-то вкололи, как сказала одна из них по-украински:

– До кучи.

Где у меня эта «куча» я догадался, но болело у меня не там. Когда они, громко обсуждая цены на базаре, ушли, мне стало совсем плохо. Стало сводить руки, подступил непонятный страх. Снова вызвал скорую. Приехали

уже три и милые, и симпатичные женщины. Что-то пощупали, что-то померили, «кучу» мою оставили в покое:

– Я не знаю, что с Вами, – не очень весело сказала одна, – если будет плохо – вызывайте.

– Так мне уже плохо!

– Ну, подождем еще немного, – и уехали ждать еще немного.

Все женщины одинаковы, но некоторые еще одинаковее! Валя, конечно, рассказала в театре о моем состоянии. Узнав, что мне плохо, в номер прибежали мои близкие друзья, Людмила Н. и Валентина Д. У меня уже сводило все тело, и было очень больно. Они сняли с меня рубашку, уложили ничком на пол, и очень хорошо меня потоптали. После этого, минут через десять-пятнадцать, мне стало лучше, судороги прошли, я ожил. Девушки накормили меня, выслушали мой рассказ про утреннюю пробежку. Они настоятельно посоветовали мне временно за бабами не бегать, по крайней мере, по утрам. Я не согласился, но, на всякий случай, кивнул. Вечером я уже пошел на работу. (За «бабами» бегаю до сих пор и не только по утрам.)

Сахалин

(Непутевые путевые заметки)

Давным-давно, еще в счастливое советское время, ностальгия по которому никак не уходит из сознания тех, кто тогда даже и не жил, – феномен, который невозможно логически объяснить, – попал я на Сахалин в составе концертной бригады Музыкального театра. Пролетев восемь часов без посадки от Москвы до Южно-Сахалинска, столицы Сахалина, реально ощутил размер своей родины. В столице этой единственное здание, которое сразу же обращает на себя внимание, это Краеведческий музей. Как написано в рекламном проспекте: «это японское здание 1937 года построено в традиционном национальном стиле тэйкан-дзукур». И располагается это здание на Коммунистическом проспекте, что наводит на мысль о его предназначении: олицетворять светлое будущее всего человечества – зарю коммунизма. Для всего остального есть название – «застройка».

На наши расспросы, что интересного можно посмотреть в городе, нам предложили сходить в японский парк, вернее в то, что там от него осталось. Входа как такового

в парк не было, просто большая лужа, которую мы благополучно обошли. Пройдя немного, увидели симпатичного бронзового медведя с утоптанной вокруг него земляной площадкой. Будто специально для нас, – мы сначала даже подумали, что это входит в экскурсионное обслуживание, – к медведю подошли двое работяг с откупоренной бутылкой водки. Было заметно, что они здесь не впервые – намоленное место. Первый, обращаясь к медведю:

– Миша, что-то Василий Петрович запаздывает, давай с тобой на троих...

Отпил, передал бутылку товарищу. Тот отпил, сунул горлышко бутылки в пасть медведю. Достали колбасу, закусывают:

– Миша, мы тебе колбасу не дадим – сдохнешь. Такое есть может только человек. На, занюхай.

Поднес к Мишиному носу кусок хлеба...

Мы не стали им мешать, прошли какой-то покосившийся сарай, черный от времени, с выдранными из стен досками и остановились от неожиданности: с постамента, одним боком давно уже вросшим в землю, на нас смотрит своими печальными глазами Антон Павлович Чехов! Он сидит, держа шляпу, со скрещенными на коленях руками, и внима-

тельно всматривается в таких же редких проходящих зевак, как мы. Видно, что ему очень неудобно так криво сидеть, но исправить это некому. Памятник откуда-то привезли, сгрузили и забыли, как Фирса из «Вишневого сада» – впечатляющий символ этого города, основанного русскими как поселок каторжан Владимировка, названного по имени местного управителя каторжными работами. Это при японцах с 1905 по 1945 гг. Владимировка стала Тоёхарой – Прекрасной равниной, а по возвращении в Россию вернулась и в свой привычный статус, но уже под названием Южно-Сахалинск.

Дальше – заросшие бурной травой ржавые рельсы, уходящие в никуда, какие-то железяки, торчащие из земли, остатки небольших построек – это все, что осталось от некогда детской железной дороги. Тлен и запустение. Неприятно. Пошли обратно, помахав Антону Павловичу. Проходим мимо Миши: вокруг него наблевано – то ли медведю без закуски не подошло, то ли Василий Петрович подоспел и оказался слабаком, то ли все вместе...

Да... А Мишу и Антона Павловича жаль.

Зато в магазине продавались клешни крабов, да какие! Нести их можно было только двумя руками. Представляю, если такой краб

поздоровается с тобой! Не знаю, как крабов ловят, но добывать мясо из клешней – большой труд. Сломать панцирь просто так невозможно. Мы жили в гостинице и никаких «ломательных» инструментов у нас не было. Зажимали клешни в дверях и потом образовавшуюся трещину (в клешне, не в дверях) чем попало расширяли. Вкус, как говорил Аркадий Райкин, «специфический».

После одного из концертов на рыбоконсервном комбинате нас провели в цех показать ударный труд работников этого передового предприятия. Перед входом красовалась табличка с указанием, что это «Цех коммунистического труда». Мы с любопытством прошли внутрь посмотреть, что нас ждет при коммунизме.

В большом прямоугольном цеху на небольшом подиуме за каменным столом стояли две женщины в огромных резиновых сапогах с ножами в руках, к которым были подведены резиновые трубки с постоянно текущей холодной водой, и разделявали рыбу, складывали ее в банки и ставили на движущуюся ленту. Эта лента доставляла банки через весь этот цех к барабану с полками, которые опускаются в горячее масло. Через один оборот барабана уже другие женщины

банки снимали, запечатывали, складывали в картонные коробки и оставляли на три дня, чтобы проверить, не вздуются ли они. Затем на банки наклеивают бумажные наклейки – и в торговую сеть. Все отходы с разделочного стола бросаются прямо на каменный пол и смываются в желоб, по которому, опять же, через весь цех куда-то отправляются. Хотя был май месяц, в цеху было холодно и сыро. Когда спросили женщин, как же можно здесь работать по восемь часов, они пожали плечами:

– Не от хорошей же жизни. У нас у всех весь нутряк больной. Кто хочет рожать, сюда нельзя.

(А вот Чехов в книге «Остров Сахалин» (1891-1893 гг.) написал, что когда на остров прибывал женский этап, их определяли в сожительницы к поселенцам-мужчинам. Старые женщины, а также молодые, считавшиеся на материке бесплодными, на Сахалине почему-то очень хорошо рожали.)

На прощание нам подарили сувениры – запечатанные консервные банки с воздухом Сахалина.

Все, что имеет начало, имеет и конец. Закончились и эти нелегкие гастроли, не принесшие ни финансового, ни творческого

успеха, но оставившие невеселые воспоминания.

Когда лучший советский самолет того времени Ил-62 взял курс на запад, я, устроившись в уютном кресле, сладко заснул. Снились мне прекрасные сады Тоёхары, где по ухоженным дорожкам гуляют красивые женщины и к ним, ластясь, подбегают всевозможные звери. Ко мне подошел «мой» Миша – я его сразу узнал! От него чем-то вкусно пахло. Я его угостил конфетой кондитерской фабрики им. Н.К. Крупской «Мишка на севере», которую он аккуратно развернул, отдал мне обертку, и с удовольствием съел. Потом вытянув мордочку вверх что-то сказал, очевидно, по-японски, потому что я не понял. Понял только, что в переводе на русский, наверное, это что-то доброе и немного грустное.

Вовка Ложкин
(Эскиз)

Я шел на работу в театр по улице Луначарского, улице моего детства. От магазина на углу Луначарского и Гюллинга справа спереди по диагонали ко мне приближался какой-то бомж. Остановившись невдалеке, он произнес:

– Здравствуй, Цибик! Ты меня не узнал?
Я – Вовка Ложкин, помнишь?

От неожиданности я вздрогнул:

– Не узнал, извини.

– Ладно, прошло столько лет. Мне сказали, что ты работаешь в театре. Мы всегда знали, что кто-нибудь с нашей улицы выбьется в люди. Ты молодец!

У меня засвербило в горле – Вовка Ложкин! – это же из совсем другого мира, и все же это мой мир, где-то уже затерянный.

– Как у тебя дела?

– «Дел» у меня много – шестой раз пойду на зону. Ты не бойся, я по-маленькому, за кражи. Первый раз попал серьезно, ну, а потом, когда освободился – на работу не берут из-за судимости, а у меня дочь родилась, кушать надо. Опять туда. После четвертой ходки сын родился. Ну, чего говорить. Хорошо хоть сей-

час жильё нашли в этом доме в подвале, – он указал на угловой дом, где жила моя мама, – оттуда всех расселили: по новому закону нельзя жить в подвале, а для нас это хоромы. Вовка, брат твой умер – я знаю, мы с ним рыбачили часто. А ты помнишь Мичмана? Его на зоне убили. Чего-то там не поделили. Свои же. А Боцмана? Он где-то на севере, кажется, в Архангельске или в Мурманске. Все еще в море ходит. Вот такие дела.

Я полез в карман:

– Давай, я тебе немного помогу.

– Не. Денег ты мне не давай. Лучше купи что-нибудь детям покушать.

Мы зашли в магазин. Я купил то, что он просил и немного больше, про запас, и мы расстались. Я пошел своей дорогой, иногда оборачиваясь назад. Вовка стоял на углу магазина и махал мне рукой.

Встретимся ли еще?..

Кугл из лука

1 лук-порей, 2 ст. л. сливочного и 2 ст. л. растит. масла, пучок зеленого лука, пучок укропа, соль, перец

Заливка: 50 г 20% сливок, 1 яйцо, 1 ст.л. манки, 200 г тертого сыра

Дополнительно: сухари для обсыпки формы, 1 ст.л. растит. масла для обмазывания формы

Белую часть порея и немного зеленой части нарезать кружками и до полуготовности обжарить в смеси сливочного и растит. масла. Добавить туда зеленый лук и укроп. Посолить, поперчить в конце.

В миске смешать сливки, яйцо, манку и сыр. Выложить в сковороду и перемешать. Керамическую форму смазать растит. маслом и посыпать сухарями. Выложить смесь. Запекать при 180 гр. около 20-25 минут, пока не покроется золотой корочкой.

Все нарезал, все добавил, все смешал, все выложил, все запек, формы, в основном свои, обмазал...

Вытащил сковороду из духовки, посмотрел – цвет корочки показался недостаточ-

но золотым. Сунул обратно – пусть немного потомится. Запах, наполнивший квартиру, был, как говорил Аркадий Райкин, «специфический». Открыл все окна, стало холодно, но запах оказался стойким. Не очень хорошо получается: сейчас придет дочь с молодым человеком, с которым давно дружит, для знакомства, а пахнет, как... Он может не понять и подумать, на что обрекает себя...

Из туалета взял освежитель воздуха, распылил. Как писал классик: «Все смешалось в доме Облонских». Не помню уже, как у Облонских, а у нас в квартире лучше не стало. Вспомнил про сковороду, томящуюся в духовке, быстро достал и вытащил на балкон студиться. На улице пробегающая собака остановилась, посмотрела наверх, принялась, фыркнула, мотнув головой, и побежала дальше, значительно увеличив скорость, один раз даже обернулась. Пришла с работы жена:

– Ты что тут наделал?

– Что значит «наделал»? Я приготовил кугл из лука.

– Да у меня уже все готово, нужно только разогреть. А свой кугл оставь для другого раза.

– А что, будет «другой раз»?

– Ну, если он попробует твой кугл, тогда не будет!

Как она угадала?!

Наконец, появилась дочь с симпатичным русским парнем. Дочь сморщилась:

– Папа, ты опять со своими экспериментами? – и обратившись к молодому человеку, – Не пугайся, тебе не обязательно это есть.

Надо сказать, что это был период в моей жизни, когда я постоянно что-то готовил, осваивал еврейскую кухню. Не то, чтобы очень уж успешно, но хлопот своим ближним доставлял предостаточно, особенно, когда просил все это отведать. Тут возникали некоторые проблемы.

Мы познакомились, показали квартиру, сели за стол. Немного выпили, закусили, поговорили. И тут я пошел на балкон. Краем уха слышал, как женщины что-то одновременно вполголоса говорили Игорю.

Я торжественно внес сковороду, объяснил, что это традиционное еврейское блюдо, и открыл крышку. В носу засвербило, я извинился, чихнул, взял нож и попытался отрезать кусочек этого самого кугла. Ножик, очевидно от неожиданности, как-то жалобно искривился, но превозмог и отрезал неровно кусок этого «изделия», который я и положил на тарелку почетному гостю. Остальные куски, как мне показалось, ломались уже сами,

только завидев нож. Получилось не очень ровно, зато запах!.. Все тот же – «специфический».

Дочь сразу сказала, что уже сыта и толкнула локтем Игоря. Тот, не вняв предупреждению, с трудом воткнул вилку и откусил кусок. Я попробовал сам, и стало очевидно, что «это» есть не только нельзя, но и небезопасно:

– Да, тут что-то не так. Я, наверное, нарушил технологию приготовления. Оставим, пока не поздно.

– Да нет, ничего, – не очень уверенно произнес Игорь, с видимым трудом проглатывая очередной кусок.

Я с уважением оценил силу воли потенциального зятя.

После этого беседа как-то не пошла, и ребята быстро ушли – они торопились в кино на «Доктор Живаго». Вот там-то мой кугл, наложившись на страдания главного героя фильма, сделал свое дело – Игорю стало плохо.

Через несколько дней дочь пришла домой вся в слезах – они с Игорем расстались:

– Это все из-за тебя с твоим куглом!

– Да, испытание было не из легких, но, как говорил...

– Папа!!! И без того тошно!

– Ладно, следующему я приготовлю мацебрай с грибами...

– Хоть с грибами, хоть с кренделями, только без меня!

Прошло время. Мацебрай я не приготовил – как-то обошлось. Дочь вышла замуж за еврея, благополучно растят троих детей. Игорь женился на русской, у них хорошая семья. Но они остались добрыми друзьями. Встречаясь, когда дочь приезжает в Петрозаводск, весело вспоминают тот памятный вечер. В кино Игорь не ходит. На мое предложение приготовить что-нибудь, оба отвечают, что не хотят перебивать послевкусие после того кугла из лука.

Запишите рецепт – может быть пригодится?

Моя Библиотека

*(К 190-летию Национальной
библиотеки Карелии)*

Публичную библиотеку я помню с четырех-пяти лет. Библиотека тогда располагалась на первом этаже бывшей гимназии, нынешнего Музея изобразительных искусств на площади Кирова Петрозаводска. На втором этаже был Дворец пионеров. В библиотеку я ходил с папой, и очень гордился, что несу в руках книжки как папа. Посещали мы и Городскую библиотеку, находившуюся на другой стороне площади. Папа познакомил меня с библиотекарем Фаней Абрамовной Цукаревой, и я уже самостоятельно приходил за книгами, которые записывали на папин номер 369. Много позже, после смерти папы, я попросил в Городской библиотеке, которая тогда уже переехала на ул. Машезерскую, переписать на меня этот номер, хотя это нарушало правила – читательские номера были привязаны к определенным категориям читателей: студентам, рабочим, педагогам, пенсионерам и пр., которым я не соответствовал. А Фаня Абрамовна через пятьдесят лет приводила в порядок библиотеку еврейской общины, которую я волей судьбы возглавляю.

Сейчас Фаня живет в Израиле, окруженная детьми, внуками, правнуками, очень скучая по Карелии.

Но настоящим Дворцом книги Публичная библиотека стала после переезда в новое здание на Пушкинской (архитектор Константин Яковлевич Гутин). Бывая во многих городах России, и в каждом посещая библиотеки, могу свидетельствовать: наша библиотека лучшая, особенно после реконструкции! Но библиотека – это не только помещения, но, в большей степени, сотрудники, которые вдыхают жизнь в эти благословенные стены, именно они продолжают заложенные когда-то прекрасные профессиональные и человеческие традиции, выгодно выделяющие Карелию среди других регионов нашей страны.

Хорошо помню Вениамина Ароновича Штейнберга, главного библиографа Библиотеки. На его глазах нацисты расстреляли родителей, и воспитала Веню русская крестьянка Мария Филипповна Яковлева из деревни Мошнино: рискуя жизнью она спрятала одиннадцатилетнего мальчика у себя в доме. Впоследствии Вениамин Аронович постоянно навещал ее. В 1948 году Веня сдал вступительные экзамены в МГУ на исторический факультет. Профессор похвалил его,

сказав, что таких глубоких знаний на вступительных экзаменах он не встречал, но ... 48-й год, пятая графа... Веня поступил в Московский библиотечный институт, стал сталинским стипендиатом, и по окончании вуза по специальности «библиография» был направлен на работу в Петрозаводск. Они с моим папой были приятелями, подолгу разговаривали, когда папа, знавший несколько языков, приходил за книгами в отдел иностранной литературы. Все посещавшие читальные залы Библиотеки знали Вениамина Ароновича, заранее готовили вопросы к нему и с удовольствием слушали глубокие пространные ответы. За глаза называли его «Эйнштейнберг», «ходячая энциклопедия». Он очень переживал, когда не мог ответить на какой-нибудь каверзный вопрос читателя, просил его зайти через день-два, и тогда уже давал исчерпывающий ответ. Однажды мой папа при входе в Библиотеку встретил Вениамина Ароновича и двух женщин, выносящих два мешка с книгами, как они сказали, «для уничтожения по акту списания». Папа сунул руку в мешок, достал первую попавшуюся книжку, процитировал Гейне: «Там, где сжигают книги, впоследствии сжигают и людей», добавив, что хочет спасти хоть что-то. Ему не

возразили, только сочувственно вздохнули. Книжка эта оказалась прекрасно изданной карманной Библией на немецком языке – она хранится у меня до сих пор. Я часто при посещении Библиотеки подходил к Вениамину Ароновичу с бумажкой, на которую, выписывал непонятные мне слова, выражения, и он терпеливо объяснял их значения, научил пользоваться справочной литературой, энциклопедиями, стоящими на полках в общем читальном зале. После смерти Вениамина Ароновича его друг, Марк Михайлович Берман, написал, что: «Веня был такой же непременной деталью Карелии, как Онежское озеро или белые ночи».

Некоторое время в музыкальном отделе работала Валентина Петровна Синисало – жена композитора Гельмера Синисало, его муза, соратник, секретарь. Я имел счастье знать эту маленькую тихую семью, ставшую одним из символов Карелии. Музыка Гельмера Нестеровича – национальное достояние Республики; балет «Сампо» – бриллиант в музыкальной короне России. Мало кто понимает вклад Валентины Петровны в музыкальные достижения ее гениального супруга, которого она окружила заботой и любовью, взяла на себя всю работу с документами, многочисленными бумагами, освобождая

его для творчества. Каждый раз, когда Гельмер Нестерович писал балет, она ставила на огромный стол, за которым он работал, маленького фаянсового бегемотика с открытым ртом, который, как уверяла Валентина Петровна, кричал: – Давай балет! И Гельмер Нестерович постоянно чувствовал присутствие любимого человека.

В отделе иностранной литературы работал Ахти Карлович, американский финн (к стыду своему я не запомнил его фамилии), который давал мне домой читать напечатанный на мелованной бумаге богато иллюстрированный цветными фотографиями американский журнал «Popular mechanics», регулярно поступавший в Библиотеку. Тогда я увлекался техникой, и он переводил мне некоторые, заинтересовавшие меня материалы.

Несколько лет в большом читальном зале я читал подшивки газеты «Правда» за 1939-1941 гг. и 1948-1953 гг. (газеты военного времени не выдавали), чтобы понять, как и почему началась Вторая мировая война и что было потом не по советским учебникам идеологизированной истории, а, как говорится, по «свежим следам». Читал и стоявшие на полках сочинения Ленина за 1917 г. и позже.

Это не осталось незамеченным – меня вызвали в КГБ, и первый вопрос был:

– Зачем Вы читаете Ленина? Вы можете его неправильно понять. Наши враги тоже читают Ленина. Идите во «Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний» (просветительская и пропагандистская организация в Советском Союзе), там Вам всё объяснят.

Ну прямо как у Джорджа Оруэлла в «1984» («Nineteen Eighty-Four», 1949 г.), где «Министерство мира занимается войной, министерство правды – ложью, министерство любви – пытками, министерство изобилия морит голодом» (Часть II, Глава IX)

Но времена были уже почти, как говорится, «вегетарианские» и меня отпустили, посоветовав, поскольку я работал в Музыкальном театре, лучше обратить внимание на девушек, которые меня окружали. Обратил...

В стенах именно этой Библиотеки прошли презентации нескольких моих книг, и я горжусь, что мое имя значится в ее каталогах.

Моя мечта – отойти, наконец, от повседневной суеты и прийти в мою Библиотеку, которой справедливо присвоен статус Национальной, чтобы опять погрузиться в мир человеческой мудрости, знаний, достижений человеческого духа.

Пост-юбилейное и немного грустно
(Небольшой сюжет с большими иллюстрациями)

Наталии Деминой

В 80-е – 90-е годы, когда поднялась волна еврейской репатриации, многие евреи, не построив очередной «ИЗМ» в отдельно взятой стране, недовольные жизнью в Советском Союзе, забыв, что «полработы дураку не кажут», стали уезжать на историческую родину. Тогда в Петрозаводск стали приезжать финны, считавшие, что должны любить евреев и всячески им помогать, так как Бог сказал Аврааму: «А Я БЛАГОСЛОВЛЮ БЛАГОСЛОВЛЯЮЩИХ ТЕБЯ, А ХУЛЯЩИХ ТЕБЯ ПРОКЛЯНУ, И БЛАГОСЛОВЛЯТЬСЯ ТОБОЙ БУДУТ ВСЕ ПЛЕМЕНА ЗЕМЛИ» (Быт.12:3). У этих финнов была договоренность с Еврейским агентством: они подъезжали к самому подъезду на шикарном автобусе, грузили багаж и отвозили напуганных таким вниманием евреев в Хельсинки, размахивая израильскими флагами и горланя еврейские песни, которые большинство этих самых евреев слышали впервые. А там уже передавали их в «мохнатые лапы сионистов», как писали об этом в советских газетах славного доперестроечного времени. Кроме того,

они привозили благотворительную помощь и развозили ее по домам; устраивали встречи, рассказывая о жизни в земле обетованной, призывая евреев вспомнить о своей исторической родине и приблизить приход Мессии, который придет только после того, как все евреи вернутся в Землю Израиля. С кем-то из этих финнов мы даже стали друзьями.

Переводчицей была Мира Ноусиайнен – американская финка, приехавшая с родителями в Карелию строить социализм еще до Войны. Впоследствии она много лет преподавала в Петрозаводске финский и английский языки и была завучем в знаменитой школе №17 (ставшей потом Гимназией №17 им. П.О. Коргана, отец которого в 1938 году был расстрелян в Сандармохе), а когда советские границы открылись, уехала в Финляндию. С Мирой мы дружим до сих пор, дай Бог ей здоровья – в 93 года не лишнее пожелание.

Так вот, эти финны на одном из своих собраний, разглядывая мои фотографии, решили, что одежда на мне не соответствует статусу главы еврейской общины, и необходимо к моему 60-летию одеть меня подобающим этому статусом образом. Собрали деньги и командировали двух человек во главе с Мирой, наказав им пойти в самый дорогой мага-

зин в Петрозаводске, выбрать самую дорогую одежду – от носков до галстука – и натянуть все это на меня!

И вот картинка: в центральный универмаг «Карелия» по-деловому входит Мира, за ней два здоровых финна вводят меня, и замыкает шествие, обеспечивая тыл и блокируя побег, моя жена Марта. Эта «группа захвата» со своей жертвой поднимается на второй этаж, и Мира своим громким, ни с чем не сравнимым голосом с легким финским акцентом и тяжелой американской интонацией требует, показывая на меня, «оформить по-человечески это чучело». Причем, она не смотрит на фасон, цвет, или размер – главное, чтобы все это было самое дорогое, на радость продавщицам, которые бросив свои отделы, сбежали со всех сторон поглазеть на происходящее и готовые давать советы, даже если это никому не нужно. Шуму было!..

Самое сложное оказалось подыскать обувь моего размера, отвечающую непонятным для меня критериям, которые устанавливала все та же Мира. Такой обуви в центральном универмаге не оказалось. Тогда директор универмага куда-то позвонила, и через полчаса появились еще два продавца с несколькими коробками обуви. Несмотря на то, что

покупали все не только самое дорогое, но и ненужное, деньги оставались, и продавщица с первого этажа предлагала купить на них телевизор или электромясорубку – мясо тогда уже стало появляться в магазинах, но перемолоть его простой мясорубкой не представлялось возможным. Вместо этого купили в карман пиджака белый платочек в голубой горошек – цвета государственных флагов Финляндии и Израиля. Когда на меня все это навесили, получилось очень даже красиво, прямо хоть в огород ставь птиц пугать, да и воры побоятся.

На следующий день «как денди лондонский одет» при помощи все той же «группы захвата» я предстал перед совсем не ожидавшими такого чуда прихожанами нашей синагоги. Мое «явление народу» произвело неизгладимое впечатление, особенно на еще одну мою подругу – Ниночку, которая, подавая приготовленный ею салат, произнесла фразу, ставшую легендой: «Димочка, кушай, это очень вкусный и полезный салат, он повышает импотенцию!» Хотя у меня с тем, о чем сказано выше, к тому времени было уже в полном порядке, и в повышении совершенно не нуждалось. Репортаж об этой успешной операции, снабженный цветной

фотографией, был помещен в одной из финских газет, вызвав противоречивые отклики по все Финляндии и один отклик, вполне определенный, в Израиле от моего сына Андрея (приводить его здесь не буду – цензура не пропустит).

Второй раз, как под изощренной пыткой я и пообещал моим друзьям, я с трудом влез во «все это» через десять лет на свое семидесятилетие. Это показывает высокое качество работы отечественной легкой промышленности, изделия которой, повисев в шкафу все это время, не потеряли своего первоначального вида, и даже моль не захотела их кушать, очевидно, боясь поперхнуться.

Моя слабая надежда на то, что кем-то установленная традиция – каждые пять лет наряжать меня – уже забыта, опять состоялся этот «праздник со слезами на глазах» 16 августа 2020 года. Накануне из Хельсинки позвонила Мира и своим неповторимым специфически звучащим голосом, который, как мне показалось, был слышен помимо телефона, что и подтвердила моя жена, пригрозила приехать сама, если я не буду, хотя бы раз в пять лет в этот день «прилично выглядеть». Сами понимаете, после такой угрозы...

Но и этого оказалось мало! 16 августа 2025 года – в то время, когда голубь мира отказывается принести веточку маслины на нашу истерзанную землю, а голос Миры уже не звучит – меня опять облачили во весь этот текстиль с «испанским сапогом». А когда поверх я накинул большой праздничный *талес*, подаренный мне друзьями, Ниночка выразила свой восторг новой бессмертной фразой: «Димочка, какой теперь у тебя большой и красивый *фаллос!*»

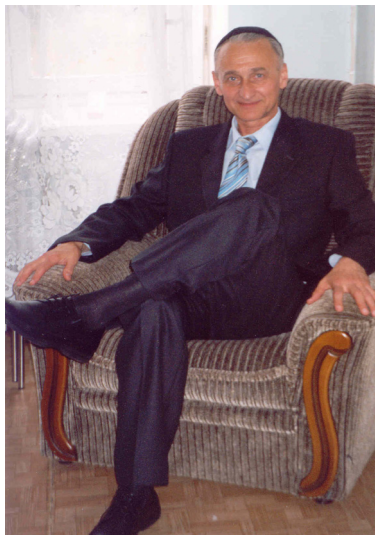
Не знаю, придется ли мне еще когда-нибудь залезать в эту экипировку, или же меня уже обрядят в последний путь...

И тогда очень прошу не втискивать мои ноги в эти колоды, а мое брненное тело не облачать во всю эту «мануфактуру» – думаю, что там, куда я попаду, есть свои наказания, надеюсь, не такие жестокие.

2020-2025

*С Мартой. 16 августа 2005 г.
(Фото, помещенное в финской газете)*

*16 августа
2005 г.*

«Группа захвата». 16 августа 2005 г.

Ниночка с Мартой. 16 августа 2015 г.

16 августа 2015 г.

16 августа 2020 г.

16 августа 2025 (фото Н. Деминой)

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Про шайку и дядю на танке.....	3
2. ДК ОТЗ	14
3. Буся Фогельсон	26
4. Три малявы	31
5. Мой друг Саня	54
6. Дядя Жора	76
7. Крещеный Октябрем	84
8. Поцелуи судьбы.....	90

Картинки для Мусоргского 106

I. Мама с Ростроповичем, папа с Бетховеном, дочь с Рихтером	106
II. Визит к врачу.....	112
III. Рыжий бандит.....	116
VI. Обошлись без Шопена.....	121
V. Рояль и скрипка.....	123
VI. Четыре гения.....	126
VII. Однажды в городе Сумы	130
VIII. Сахалин	133
IX. Вовка Ложкин	139
X. Кугл из лука.....	141

9. Моя библиотека.....	146
10. Пост-юбилейное и немного грустно	152

Дмитрий ЦВИБЕЛЬ

Несерьезные рассказы

Верстка и дизайн – Александр Победин

Бумага офсетная. Формат 60x90 $\frac{1}{16}$. Тираж 120 экз.

Отпечатано в «Издательский дом ПИН», ИП Марков Н.А.
г. Петрозаводск, ул. Балтийская 5б, тел. (814 2) 56-26-73
www.pintz.ru